

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Вера ЧИРКОВА
ИСКУСНИК.
ПОТЕРИ И НАХОДКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Если возлюбленная подло предала, а баронские ловцы подбираются все ближе к переставшему быть надежным убежищу, у искусника, имеющего дар создавать почти волшебные вещи, остается только один выход – бежать. Обвести всех вокруг пальца, абсолютно изменив внешность, и бежать как можно дальше. Туда, где можно найти единомышленников, так же истово дорожащих самой главной ценностью – собственной свободой.

Вера Чиркова

Искусник. Потери и находки

© Чиркова В. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

* * *

В мягком, золотистом свете свечей, робко подрагивающих рыжеватыми язычками в единственном бра, висевшем в изголовье широкой кровати, спина Хангильды казалась смуглой и чуть угловатой, но он точно знал, насколько обманчиво это зрелище.

Не было в Индрузе другой женщины с такой же гладкой и белой кожей, упругой и мягкой одновременно, чуткой и отзывчивой на прикосновения и ласки. Она выглядела загорелой лишь в неверном сиянии свечей, а днем, при солнечном свете, была молочно-белой и матовой, словно авингамский жемчуг. Впрочем, нахальным солнечным лучам уже давно не удавалось даже мельком коснуться кожи Хангильды. Все окна в ее особняке были предусмотрительно занавешены непрозрачными, никогда не раздвигавшимися занавесями, а в гости и на приемы отлично знавшая цену своему телу прелестница ездила, скрытая плотной вуалью и занавесками кареты.

– Ты хотела мне что-то сказать? – негромко и небрежно осведомился Инквар, продолжая неспешно поглаживать еще влажные от страсти спину и плечи ничком лежавшей рядом с ним возлюбленной.

Это звание давно уже не соответствовало действительным чувствам Инквара, но вслух он предпочитал называть ее именно так. И просто по привычке, и отдавая дань довольно бурному поначалу роману.

– А ты не рассердишься? – поднимая голову, кротко пролепетала она, изображая юную и робкую девушку, и Инквар невольно улыбнулся.

Слишком хорошо успел он изучить Хангильду за это время, чтобы не знать, как мало подходит ей такая маска. Но ответил так же кротко и нежно:

– Разумеется, нет, милая. Ты же знаешь, на тебя я не могу сердиться. Так в чем дело? Тебе нужны новые серьги или платье?

Само собой, он сразу, еще по первым словам сожительницы, понял – в этот раз она потребует вовсе не очередное украшение и не какую-нибудь особую услугу. Но и виду не подал, желая, чтобы первый шаг к разрыву Хана сделала по собственной воле.

– Спасибо... ты так добр... – томно выдохнула она и соскользнула с постели. – Но в этот раз у меня немного иная просьба.

Ни капли не стесняясь и даже не подумав накинуть на свое роскошное тело хотя бы прозрачный пеньюар, словно забыв про маску стыдливой девочки, которую выбрала на сегодняшний вечер, Хангильда прошла к столу, кокетливо покачивая бедрами.

Изящно присела на край столешницы и принялась неторопливо снимать с себя последние из оставшихся украшений, небрежно раскладывая их по скатерти, и близко не подозревая, какие мысли стремительно проносятся в голове мужчины, с самодовольной усмешкой наблюдающего за ее движениями.

А Инквар все внимательнее следил сквозь полуопущенные ресницы за очередной ложившейся на стол безделушкой, одну за другой вычеркивая для себя утерянную возможность справиться с бывшей возлюбленной бесшумно и безболезненно. Для нее.

Да, теперь он уже был совершенно уверен в своем праве называть Хангильду бывшей и ничуть не жалел об уходящем в прошлое периоде его жизни. Досадно было другое: она все-таки предала его, и сейчас каждое движение белой руки было доказательством этого предательства.

– Но скажу я его утром, а сейчас иду купаться, – объявила Хангильда, сняв последнее колечко. – А ты пока поспи. Тебе рано вставать.

– Налей вина, – согласно кивнув, расслабленно потянулся Инквар. – Во рту пересохло... ты такая горячая...

Привычно подчиняясь этой просьбе, Хангильда послушно потянулась к кувшину и не заметила мелькнувшей во взгляде возлюбленного жесткой усмешки.

Чтобы женщина в нужный момент выполнила твое распоряжение совершенно бездумно и доверчиво, нужно не один год приучать ее к обыденности этого поступка.

Короткого мгновения, пока прелестница наливала вино, внимательно следя за струей из кувшина, искуснику хватило, чтобы достать из тайничка крошечное зернышко зелья и прилепить его к подушечке пальца. И теперь он с почти искренним восхищением следил за изящной походкой Хангильды, бережно несущей полный бокал.

– Жаль... – выдохнул Инквар и на миг смолк, ощупывая притворно жарким взглядом наизусть знакомое тело, – что мне рано вставать.

Он взял у нее сосуд и отпил почти половину, затем протянул бокал Хангильде, незаметно стряхнув в него свой последний дар:

– Теперь ты.

Женщина знакомо усмехнулась – эта традиция стала у них почти ритуалом – и сделала пару маленьких глотков.

И тотчас покачнувшись, начала падать, роняя бокал. Но молниеносно вскочивший искусник ловко поймал посуду с предательским питьем и отнес на стол, лишь после этого вернувшись к безжизненно лежащей на пушистом ковре Хангильде.

– Надо бы влить в твой ротик и остальное, – беззлобно бурчал он, укладывая ее на постель и накрывая одеялом: весна выдалась дождливой и ночами было прохладновато. – Но я же добрый... хоть это ты заметила.

Следующие несколько минут он скользил по комнатам стремительной тенью, собирая свои пожитки и едко кривя губы всякий раз, проходя мимо сладко спящей Хангильды. Бывшая возлюбленная искренне считала его законченным занудой за незыблемое правило всегда сначала аккуратно убирать на место свои вещи, особенно инструменты, если она вдруг придумывала очередное развлечение. Несколько раз, в самом начале их отношений, она попыталась бастовать против этого правила, но очень скоро убедилась, что Инквар надолго становится глух и равнодушен к ее требованиям и желаниям после каждой такой выходки.

И в конце концов смирилась, даже не подозревая, как сильно сам Инквар ненавидит необходимость тщательно раскладывать по коробочкам и пеналам тончайшие напильнички и крохотные сверла. Зато любит жизнь и точно знает, насколько ее продолжительность зависит от его аккуратности.

Рассовав самые ценные шкатулки и кошель по туго застегивающимся карманам, искусник в последний раз окинул бдительным взглядом дом, проверяя самого себя. А убедившись, что ничего не забыл, подхватил баул и вещевой мешок и спустился по лестнице на первый этаж.

Там он бесшумно и тщательно запер на все дополнительные засовы входную дверь, проверил, плотно ли закручены барашки ставен, и направился на кухню.

В маленькую дверцу, через которую повар приносил из пристройки дрова, он проскользнул с легкостью, говорящей о неоднократных тренировках, затем захлопнул ее за

собой, приподняв сначала внутреннюю защелку. И удовлетворенно ухмыльнулся, услышав глухой лязгающий звук, свидетельствующий об удачно выполненном трюке. Да и как ему не быть удачным, если каждый жест неоднократно проверен и отработан?

По пристройке он шел уверенно, зелье ночного зрения постепенно набирало силу. На стену, где когда-то собственноручно повесил старую рыболовную сеть, беглец тоже забрался легко и привычно. Слуховое оконце, выходящее на крышу заднего крыльца, распахлолось без единого шороха: Инквар никогда не забывал смазывать замки, особенно если они были предназначены для такого крайнего случая, как этот.

Он высунулся наружу почти по пояс, собираясь скользнуть на черепицу, чтобы затем по столбу спуститься на заднее крылечко, и потрясенно замер, услышав под собой тихое покашливание и сердитый шепот:

– Ну долго еще она будет копаться? Я совсем окоченел.

Инквар медленно вывернулся из окна назад, на чердак пристройки, возведенной по его личному проекту якобы для удобства слуг, осторожно, почти нежно касаясь рамы, вернул створку на место и задумался. Хангильда оказалась еще подлее, чем он считал раньше, и не просто предала его, а еще и продала. И явно не продешевила. Несмотря на беспечный вид и неправдоподобно наивный взгляд, по натуре бывшая возлюбленная Инквара была самой настоящей торговкой. Прожженной и беспринципной.

Разумеется, он давно не питал насчет нее никаких иллюзий и загодя заготовил несколько вариантов ухода, так как точно знал: когда-нибудь его удобная и сытая жизнь в суетливом и шумном портовом городке должна будет закончиться. Но также заблаговременно принял для себя несколько обязательных правил, главным из которых считал уход из города с чистыми руками.

А вторым – сделать все возможное, чтобы получить в свидетели своей незапятнанной репутации хоть кого-то из людей, уважаемых местными жителями. И чтобы эти очевидцы были готовы подтвердить непричастность Инквара ни к одному из тех дел, за которые вольные бароны или правители таких городов могут мигом засунуть его в камеру. Или, того хуже, в собственную башню для диковинок.

И теперь ему оставалось только выбрать наиболее подходящий вариант. Задача непроста, и ради желания иметь несколько часов форы он сам усложнил ее, усыпив Хангильду не менее чем до утра. Поэтому сейчас ему никак нельзя позволить сидящим в засаде охотникам за его собственной головой, точнее, за свободой проникнуть в дом до того момента, как предательница соизволит проснуться без посторонней помощи. Иначе те, кто заинтересован в его поимке, могут подстроить Хангильде любую пакость, которая позже позволит им во всем обвинить сожителя хозяйки дома и объявить его преступником.

Некоторое время Инквар мысленно перебирал возможные варианты побега, не забывая прислушиваться сквозь оставленную щелку к злему шепоту ловцов. В народе именно так втихомолку называли отчаянных парней, служивших в особых отрядах баронов и правителей городов. В последние десятилетия в изменившемся мире появились драгоценные диковинки, и люди, подобные Инку, входили в их число.

Несколько планов было проверено и отвергнуто по самым разным причинам, но главной среди них стало нежелание Инквара возвращаться в дом. Смутные, как ночные тени, подозрения, догадки, не оформившиеся в точные образы, и тщательно лелеемая бдительность словно объединились воедино, ставя на самых соблазнительных замыслах жирный крест. Интуиция толкала его на использование амулета иллюзии – безумная

расточительность, за которую он потом будет долго корить сам себя. Слишком трудно и долго, не за один день, пополнялась в нем энергия, расходовавшаяся за несколько часов или даже минут.

Однако Инквар уже давно уверился, как своевременны бывают редкие всплески его чутя, и предпочитал жить нищим мотом на свободе, чем богатым сквалыжником в золоченой клетке.

Лучшую из одежд, соответствующую его цели, – довольно длинный и свободный плащ, вытертый до побелевших пятен, сплетающихся в замысловатый узор, – пришлось вынимать из дорожного мешка, а амулет – из кожаного чехла, тайком собственноручно пришитого изнутри к голенищам казацких сапог. Баул искусник засунул в мешок, отчего тот стал похож на бурдюк, в каких жившие на юге области кочевники привозили пьяное кобылье молоко.

Этот напиток считался целебным и пробуждающим мужскую силу, и именно поэтому Инквар остановил свой выбор на нем. Ловцы, как правило, жадны и падки на чужое добро, и редко кто устоит перед соблазном, пользуясь своим особым положением, прихватить для себя хоть каравай или туесок масла вдобавок к тем вещам и людям, за которыми посылал их хозяин. И можно было не сомневаться – ловцы непременно клюнут на нехитрую приманку, поступки и привычки людей имеют свойство со временем превращаться в неотъемлемую часть их натуры.

Помощником, призванным ненадолго отвлечь сидящих в засаде ловцов, искусник избрал толстого кота, питомца приходящей кухарки, и вот это нахальное животное не должно было пострадать в этом небольшом фокусе ни в коей мере.

Тот и не пострадал. Едва Инквар выпустил обжору на крышу крыльца и швырнул прочь наспех скатанный из клочка шерсти шарик, в котором кот видел иллюзорную мышку, как толстяк с мявом свалился прямо на голову одного из ловцов.

Почему тот внезапно покинул свой пост и шагнул на дорожку – услышал ли шорох или просто решил прогуляться, – гадать искусник не стал. Сейчас было необходимо сполна использовать неожиданное изменение наспех придуманного спектакля. Пока ловец шипел вслед мохнатому охотнику проклятия и копался в карманах в поисках тряпицы, искусник успел незаметно соскользнуть с крыши и присесть в тени стены. И как только котяра, не обнаружив никакой мыши, разочарованно повернул назад к знакомому крыльцу, за которым его всегда ждали тепло кухни и плошка с молоком, Инквар поспешил направить на него луч амулета, превращая животное в иллюзию покачивающегося от избытка выпитого бродяги.

И почти сразу же вступил в игру и сам. Вскочил и ринулся к иллюзорному пропойце, бормоча ничего не значащие слова на несуществующем языке и добавляя в них стоны и проклятия для прояснения зрителям сути происходящего.

– Ай, горе мне, горе, разорил, бандит, жулик! Нехим бучуй кандарбы! Выпил полбурдюка и не заплатил ни медяка! Помогите, люди добрые, я не местный!

– Эй, чумак! Ты, ты! – мгновенно попался на удочку пострадавший ловец, призывно махая Инквару руками. – Ну-ка, иди сюда! Плесни немного своего пойла... царапины протереть!

– Моя твоя не понимай, – сладенько улыбаясь, пропел Инквар и попятился назад.

– Сейчас поймешь, – оглянувшись на закрытую дверь, сошел со ступенек второй ловец, снимая с плеча свое основное оружие – хитро сложенную тонкую волосяную веревку с петлей на конце.

Все ловцы умели мастерски бросать аркан, одним движением опутывая жертву и сильным рывком роняя ее на пол, и потому медлить далее было нельзя. Инквар развернулся и ринулся прочь, хваля себя за предусмотрительность. Не раз и не два обошел он за три последних года все прилегающие дворы и проулки и знал теперь в них все щели, лазы и незапертые калитки.

Он нарочно бежал зигзагами, надеясь, что позже это спишут на страх и выпитое вино, и, едва поравнявшись с первой заветной калиткой, шмыгнул туда, как мышка. И с этого мгновения больше не изображал никакого торговца, убегал в полную силу, перепрыгивая через заборы и проскальзывая в узкие дыры.

Уже через несколько сотен шагов он оставил преследователей далеко позади, запутав их в переулке, из которого не было ни одного явного выхода на соседнюю улочку. Отныне Инк не сомневался – теперь ловцы не скоро вернутся к дому Хангильды, профессиональное чутье никогда не позволит им прекратить преследование слишком верткого кочевника.

Да и нечем больше объяснить им своим собратьям внезапный уход с поста, кроме как подозрительным поведением торговца.

Вскоре Инквар стоял возле крыльца знакомого дома и аккуратно дергал за сигнальную бечеву. Три раза, потом один и снова три. Чужих сюда по ночам не пускали. Как, впрочем, и днем.

К этому моменту он успел снять нелепый на вид плащ, спрятать свои узлы в надежном глухом закоулке и выглядел теперь точно так, как обычно. Аккуратным, застегнутым на все пуговицы занудой.

– Инквар? Проходи. Раненько ты сегодня.

– Получил весточку, что контрабандисты продают другу волчьего глаза... нужно бы посмотреть, пока Тынерс не перехватил. Сам знаешь, из волчанки получаются лучшие амулеты от ядов и сглаза. Но если ехать не нужно, буду только рад, моя кошечка скучает, когда меня долго нет.

Это тоже было хорошо продуманным ходом, преувеличенно много рассказывать, как трепетно он относится к Хангильде, свято выполняя все ее настоящие и придуманные им желания и капризы. И втихую сваливать на них те из своих поступков, каким его компаньон иначе не смог бы найти логичного объяснения.

– Где торги?

– В этот раз в «Морской звезде», – сказал Инквар чистую правду, лгать в таких вещах – самое последнее дело.

У Фертина хватает собственных, надежных способов добычи информации, и нельзя исключать возможность проколоться.

– Когда ты намерен отправиться?

– Если тебе очень нужен этот камень, то я должен уже сидеть в седле. Напрямик ехать нельзя, по улицам шныряют ловцы. Ловят какого-то кочевника, я случайно услышал. А чтобы добраться до «Звезды» в окружную, нужно не менее трех-четырех часов. Не могу же я мчаться как на пожар. Да и посмотреть на таверну издали не помешает, мой человек обещал подать знак.

– Коляску развозчика зелени возьми во дворе Шарана, – решил Фертин, подумав не более минуты. – Фартук и шляпа под сиденьем. И может, завезешь заодно клиенту алый комплект?

– Нет, извини, но комплект не возьму, – категорически отказался Инквар, точно зная,

что это проверка. – Сам знаешь, лучше не рисковать, когда ловцы на улице. Вечером вернусь и так отнесу, ничего с ним не случится, обождет.

– Как скажешь, – расслабился Фертин и выдал тяжелый кошель с золотом. – Вот деньги на камни. Если будет еще что-то стоящее – бери.

– Чтобы нам потом Тынерс пакости делать начал? – с сомнением протянул искусник. – Пусть лучше остальное он берет. Ведь договаривались все не хватать.

– С твоей осторожностью мы такие прибыли теряем!

– Зато ходим на свободе и спим рядом со своими кошечками, – начиная притворно сердиться, фыркнул Инквар. – Мне пока еще нравится смотреть в окно без решеток. Ладно, я пошел. Куда тележку поставить, когда вернусь?

– Оставь на площади, возле зеленой лавки, Миз заберет, – успокоенно кивнул Фертин, все проверки его приказчик, а на самом деле опытный искусник, прошел без труда.

Знал бы он еще, как долго и упорно Инквар готовился к этому экзамену и как тщательно изучал привычки и ловушки хозяина лавки редкостей и артефактов.

Уже через десяток минут переодетый в фартук и шляпу зеленщика искусник нарочито неторопливо катил на одноколке по посыпанном морским песком улочкам, надежно спрятав под сиденьем и корзинами со слегка привядшей зеленью свою куртку и дорожный мешок.

Он направлял лошадку на запад, как и предупреждал Фертина, но вовсе не собирался сворачивать, выехав из городка, на проселочную дорогу. Наоборот, намеревался отъехать как можно дальше и, избавившись от приметной повозки, свернуть на юг, в небольшой городок, где старый восточный тракт пересекается с дорогой, ведущей в степные районы. Здесь ему делать больше нечего, и три года, прожитые в относительном спокойствии и безопасности, потрачены вовсе не зря.

Инквар сумел за это время приготовить несколько мощных амулетов защиты и накопить достаточно денег, чтобы хватило пересечь континент с запада на восток и перейти через перевал в долину, куда открыт проход только таким же, как он.

Но прежде чем туда попасть, придется найти способ пробраться через поставленные вольными баронами кордоны и бандитские ловушки. Всем хочется иметь в рабах человека, умеющего делать такие замечательные зелья и вещицы, с которыми жизнь становится намного безопаснее и длиннее.

Вечер застал путешественников неподалеку от небольшой деревушки, стоящей на берегу широкой Ладвы, и Кержан, вожак обоза, огромный, как медведь, и такой же лохматый, объявил ночевку.

– Встанем тут, а на рассвете начнем переправляться, – негромко сказал он и решительно направил свою лошадь к кустам.

Остальные повозки и телеги послушно потянулись туда же, и Инквар, отчетливо рассмотревший разочарование на рожах некоторых пассажиров, едко усмехался. Он ехал с обозом уже пятый день и успел убедиться, как верно поступает Кержан, не позволяя взятым под опеку возчикам и путникам вечерами разбредаться на ночлег по дворам попадавших на пути городков и деревушек. Въезд в ворота обнесенных оградой поселений стоил недешево, а размещать там телеги и лошадей было трудновато. На постройке стен жители таких небольших деревень обычно старались сэкономить и лишнего места не оставляли.

Кроме того, вожаки обозов не любили исполнять местные правила и кланяться мелким барончикам или старостам, да и не видели в том никакой выгоды. Лучше спать в продуваемых ветерком шатрах или телегах, зато не придется вожаку бродить спозаранку по домам и отыскивать охочих до браги и женских ласк пассажиров.

Ну а жители, имеющие на продажу продукты или желающие оказать какие-то услуги, и сами прибегают к обозу, причем уже с мешками и корзинами: можно будет поторговаться и выбрать необходимое.

Нарочито побряхтывая, Инквар слез с телеги. В путешествии он изображал старика, полноватого и нерасторопного. Охотно рассказывал всем желающим, будто бы ездил на похороны старшего брата, поистратился и простыл, да еще и, зазевавшись, лишился на городской ярмарке кошель. Якобы повезло, что перед этим купил обновку своей старухе, пришлось возвращать ее в лавку. Вот на те самые деньги теперь и едет.

Он не отлынивал ни от каких поручений вожака и выполнял их неспешно, но добросовестно, и за это Кержан бесплатно наливал ему похлебки из котла, в котором возчики варили общий харч. В этот вечер Инквар тоже безропотно чистил овощи, с нарочитой неуклюжестью мужчины, которому редко приходится заниматься «бабьими» делами, подбрасывал в костер дрова, а после ужина мыл котел и миски. На утро варева никогда не оставалось, вожак возил с собой двух волкодавов, таких же огромных, как и он сам, и все недоеденное вываливал в их миски.

Вот эти псы и подняли путешественников среди ночи тихим, угрожающим рычанием. Опытные путешественники, успевшие за несколько дней похода оценить неподкупность, свирепость и чуткость громадных черных и лохматых псов, заметили и еще одно их ценное качество: днем те никогда не рычали и не лаяли даже на незнакомых людей без особого сигнала хозяина.

Зато ночью, после того как Кержан, проверив лошадей и караульных, укладывался в своей повозке, устраивались рядом с ним и становились истинными стражами и неусыпными дозорными обоза. И если уж рычали, то только по делу.

Изображать в непроглядной темноте старика Инквар не стал, кубарем скатился под телегу и тайком накинул на шею амулет ночного видения. Доставать и пить при спутниках зелья было некогда, да и по меньшей мере опрометчиво, в темноте любой из мечущихся по

стоянке мужчин мог случайно толкнуть и выбить драгоценный флакончик. Зато не стоило беспокоиться, как бы кто-либо не заметил абсолютно несвойственной старикам изворотливости. В такой напряженный момент никому из торговцев и воинов не было никакого дела до нищих спутников.

На стоянке властвовал тот самый хаос, который кажется новичкам паникой, но на самом деле является хорошо отработанной подготовкой к обороне. Прежде чем достать оружие, готовые защищать себя и своих спутников со сталью в руках мужчины выхватывали флакончики с зельем ночного глаза. Потихоньку тлевший в центре поляны костер караульные затушили первым делом, не собираясь становиться в его свете удобными для нападавших мишенями. Хотя вскоре, проследив, в какую сторону злобно рычат оба волкодава, вожак с облегчением перевел дух: опасность пока еще была далековато.

Судя по всему, кто-то напал на небольшую деревушку, расположенную на противоположном берегу, и теперь каждый из путешествующих в обозе возносил про себя благодарность богам и хвалу Кержану за мудрое решение отложить переправу на утро. Иначе все они сейчас были бы в центре боя, если уже не в цепях.

И совершенно не имело значения, кто именно в этот момент грабит несчастных крестьян: неуловимая банда ночников или соседний барон. Итог всегда один. Тех, кто будет сопротивляться слишком рьяно, убьют, остальных уведут в плен. Сильные и выносливые люди, жившие в такой глуши, тоже были ценностью. Но далеко не всегда их продавали или отправляли на самые тяжелые работы. Некоторые из правителей, кто похитрее, предпочитали привязывать жертв к своим владениям одним из зелий или амулетов, приготовленных подобными Инквару людьми.

Именно поэтому он не собирался ввязываться в драку, если мародерствующий на другом берегу отряд решит-таки перебраться сюда. В подобном случае искуснику остается только одно: нырнуть в кусты и призвать на помощь все свое мастерство, чтобы исчезнуть бесследно.

За рекой слышались крики и звон оружия, а в обозе было так тихо, словно все снова уснули. Однако внимательно следивший за спутниками Инквар отлично видел напряженные спины мужчин и их руки, сжимающие рукояти всевозможного оружия. Хотя некоторые приготовили вовсе не мечи, а различные снаряды из магических лавок вроде заведения Фертина. И цена пары вещей из тех, какие успел заметить и опознать Инквар, была много выше стоимости путешествия в этом обозе. А поскольку он точно знал, что никто не бросает последний амулет или нож при малейшем намеке на опасность, то и важность совершенно неприметных ранее путешественников немедленно возросла в его глазах в несколько раз.

Если им предстоит и дальше странствовать вместе, искусник постарается приглядывать за этой парочкой в оба глаза.

Ну а пока ему оставалось лишь наблюдать за всеми из-под телеги, лежа на тощем мешке, с которым Инквар путешествовал. Все остальное его богатство уместилось в собственноручно сшитом нательном жилете из отлично выделанной хромовой кожи. Из-за этой работы он и просидел пять дней в древних руинах, каких много осталось в долинах со времен звездпада. Зато успел сделать все приготовления, на которые не хватало времени в доме Хангильды.

С помощью зелья выкрасил отросшую щетину в сивый цвет, приклеил над бровями косматые клочья шерсти, а на ноздри — лохмотки крашеной свиной кожи, мгновенно превратившие его собственный тонкий, ровный, аристократический нос в припухшую

старческую грушу. Теперь Инквару оставалось лишь не забывать по утрам смазывать подбородок красящим зельем, чтобы корни отрастающей щетины не выдали обмана.

Почти час путники пристально следили за рекой, в сторону которой были обращены морды умных животных. Постепенно все расселись по телегам и повозкам, некоторые закутались в одеяла. Хотя весна все сильнее забирала власть в нежно-зеленые лапы, ночами в долинах пока еще было довольно прохладно.

Незаметно выполз из-под своей телеги и Инк, но остался сидеть на земле, прислонясь к колесу. Кержан, время от времени бдительно обходивший обоз, издали глянул на него и довольно усмехнулся, но подходить не стал. Видимо, счел испуганно таращившегося в темноту старика слепым, ведь позволить себе зелье ночного зрения мог далеко не каждый. А делиться такими ценными снадобьями с первыми встречными в разномастной среде путешественников не принято. Но если бы он казался на вид крепким мужиком, способным держать в руках колун или вилы, то, вполне возможно, кто-нибудь и расщедрился бы, в подобных схватках лишних не бывает. Но неуклюжий дед будет только путаться под ногами, поэтому пусть лучше сидит на своем месте. А залезть под телегу во время схватки у него ума хватит.

Вскоре за рекой встало зарево пожара, и почти одновременно с этим прибежали к обозу посланцы от деревенского старосты. Он обещал всем путникам бесплатный постой и обед, если они срочно переберутся под защиту стен. Инквара такая наивная хитрость весьма посмешила: вряд ли селяне расщедрятся бы на такое предложение, если бы не боялись повторить судьбу заречных соседей.

Кержан собрал на военный совет самых богатых и сильных мужчин и вскоре объявил путешественникам о принятом решении перебраться в деревню. Как водится, не все выслушали сообщение вожака с одинаковым воодушевлением, но этого и можно было ожидать. Пока обоз стоит под сенью густого перелеска, у путников еще остается призрачная надежда на возможность сбежать, а в деревне ее уже не будет. В случае нападения налетчики не оставят поселок, пока не проверят все закутки.

Хотя самому Инквару ничего не грозило, старики и калеки никому не требовались. А вот детей и молодежь бандиты обычно вылавливали подчистую. Позже отданные под присмотр строгих воспитателей мальчишки становились верными слугами и воинами. А девочек продавали в самые богатые дома, и вовсе не для блуда. Женщин в долинах теперь рождалось меньше, чем мужчин, и за красивых и скромных невест женихи платили богатый выкуп. Хотя некоторые попадали в гаремы баронов и веселые дома, пользовавшиеся необыкновенным спросом, и с этим ничего нельзя было поделать. Людская жадность всегда выбирает самые грязные и легкие пути наживы.

До самого утра путники дежурили на возведенных возле стен помостах наравне с местными жителями, но уже к рассвету стало ясно, что напавшие на деревеньку грабители ушли. Погасли пожары, и только кое-где поднимались к небу жидкие дымки.

– Ночники были, – мрачно произнес кто-то из селян, глядя на этот дым, и все молча с ним согласились.

Люди баронов никогда не жгли ни домов, ни овинов, оставляя возможность бродячему люду заселиться в свободных жилищах и понемногу вернуть опустевшим селам жизнь. Да и некоторые банды ночников старались придерживаться этого правила и особо не лютовали, разве что в тех случаях, когда не было иного способа выкурить из домишка особо упорного

селянина.

Инквар хмуро смотрел за реку и решал про себя важную задачу: ехать ли и дальше с этим обозом или придумать себе болячку и несколько деньков погостить в деревне. А потом пробираться в Азгор другим путем.

Жизнь научила его осмотрительности, а постоянные предательства – бдительности. И ему не верилось, что осторожные и подозрительные, как лисы, ночники налетели на деревню, не проведя прежде тщательной разведки. Да и наблюдатели наверняка не один день следили за всеми проходящими путниками и редкими обозами. И не заметить вереницу телег и повозок, показавшихся на закате на косогоре за рекой, они никак не могли.

Инквар прикинул, как поступил бы на месте бандитов он сам, получив такое известие, и мрачно фыркнул. Любому, у кого в голове мозги, а не тыквенная каша, предельно ясно – два намного лучше одного. И судя по рассказам о налетах и нападениях, к которым он всегда относился с особым интересом, все ночники так и делали. Ждали, пока обоз пройдет через облюбованное ими село, и в узком месте брали в клещи. А потом, погрузив связанных путников в их же собственные телеги, возвращались к деревне и собирали второй урожай.

А в этот раз они отступили от своего правила, и это могло означать очень многое. Возможно, где-то поблизости находились люди одного из баронов или отряд наемников, которых бароны и правители городов нанимали в складчину, чтобы хоть немного навести порядок на дорогах. А может, просто ночники спешили уйти, чтобы не встретиться с соперничавшей бандой, и, как ни печально, ни один из этих вариантов не казался искуснику ни невозможным, ни достаточно достоверным.

Да и опасался искусник, как ни смешно признаваться, не столько неуловимых бандитов, сколько отряда наемников, который вполне мог нагрянуть, получив известие о новом нападении. С командирами таких карательных отрядов зачастую ездили дознавателями черные искусники, являвшиеся на самом деле рабами баронов или градоправителей. И Инквар был бы последним глупцом, если бы надеялся обмануть их накладными бровями и париком.

– Неплохо бы остановиться тут на пару дней, – осторожно предложил кто-то из путешественников, и все опасливо покосились на вожака.

Решать будет он, а кто не согласен – может оставаться в деревне и жить хоть все лето, насильно в телегу никто сажать не станет. Но каждый знает, насколько небезопасно отставать от надежного обоза. Вполне возможно, после принятия такого решения друзья и родные тебя больше уже не увидят. В селах живут вовсе не кроткие пастушки, и от падающей в руки прибыли никто из них никогда не откажется. А если кому-то и не по нраву придутся действия соседей, выдавать все равно никуда не побегут, в деревнях главный закон – круговая порука. Инакомыслящие тут не приживаются.

– Подождем до обеда, – подумав, веско обронил Кержан. – А сейчас позавтракаем и отдохнем. Эй, староста! Где там обещанные пироги и сметана?

Однако спать до обеда им не пришлось: не успело солнце подняться над верхушками расцветающих яблонь, как из разграбленной деревни приплыл на лодке вестник.

Едва раздалось тихое рычание псов, как спавший вполглаза Инквар насторожился и бессовестно подслушал торопливое пояснение примчавшегося за вожаком парнишки. А узнав ответ Кержана, мнимый старик немедленно встал с лавки и увязался за ним, уверяя, будто никогда не умел дрыхнуть днем.

– Не так и много их было, – хмуро рассказывал собравшимся вокруг него людям еще крепкий селянин с сильно исцарапанными руками и обломанными, грязными ногтями. – Хитростью взяли да снадобьями. Через стену в самом открытом месте перебрались и остальных впустили. У каждого факел в руках, но не огонь, а дым... едкий до невозможности. Все кашляют, слезы льются, а им хоть бы хны, но мордах тряпки намотаны. Пробовали мы отбиваться – куды там... сунут в харю свою головешку – и катишься прочь.

– Так у вас убитых нет?

– Есть, как не быть. Кузнец защищал своих племянников, сестра прислала на лето погостить... овдовела она, а мужнины дела запутанные. Ну и начал он в налетчиков болванками и молотами швырять, когда они потребовали парнишек отдать, мужик был здоровенный. Вот и получил пику в горло, охнуть не успел.

– А вы уверены... – тяжело произнес Кержан, – что это были ночники? Вроде те никогда таких хитростей не изобретали.

– Надписи на них не было, но скот не тронули, только сало потребовали да яйца. И по домам не особо шастали, собрали всех подростков, кто спрятаться не успел, стожки подожгли и ускакали.

– А сено-то зачем? – не понял кто-то из ехавших с обозом горожан.

– Так весна, корма последние, а трава еще не поднялась, – думая о своем, пояснил староста, – вот мужики и бросились сено спасать. Чтобы без скотины не остаться.

– Да если б и не спасали, за ними бы не погнались, – обреченно буркнул селянин. – У них кони лоснятся и запасных десятков, детей по двое привязывали.

Инквар сочувственно вздохнул и спрятал взгляд. Картина вырисовывалась непонятная и оттого еще более тревожная. Судя по описаниям, совершенно не похожи были ночные грабители на дикие банды охотников за живым товаром. Никогда не было у тех лоснившихся и ухоженных лошадей, да и деньги на зелье ядовитого дыма они тратить не любили. Само-то оно стоило не так дорого, зато противоядие, каким положено было смачивать тканевые маски, продавалось в лавках, где можно достать изготовленные искусниками вещицы, едва ли не на вес золота. Зато всего этого было достаточно у банд, входящих в гильдию ночников; ее главари держали в рабстве несколько черных искусников. Но ночники предпочитали нападать на богатые обозы и крупные села и никогда бы не ушли, оставив нетронутой эту деревню.

Кержан раздумывал недолго, выдал вестнику пару серебрушек и велел старосте готовить для обоза плоты.

– А в засаду мы не угодим? – осторожно осведомился один из путников, запомнившийся Инквару по дорогим зельям.

– На первом плоту сам двинусь, а как станем подплывать, собаку вперед отправлю, – мрачно зыркнул на него из-под мохнатых бровей вожак, и ни у кого больше не возникло никаких вопросов.

Переправа через полноводную по весеннему времени реку затянулась почти до заката. Все устали, переругались из-за очередности и, поскольку прикрикнуть на них было некому, едва не устроили драку.

Инквар не лез ни в ссоры, ни на первые плоты, сидел себе под кусточком на взятой с телеги дерюжке и строил планы на будущее. Он нарочно добирался в Азгор не напрямик, а, как заяц, путал следы и менял направление без видимой причины. Хотя вроде и не наследил,

и погони за собой не чуял. Да и лишнего не взял, а повозку зеленщика отправил в город со встречным обозом. Но точно знал: те, кому продала его Хангильда, будут в ярости и непременно пошлют ловцов во все города, куда на его месте они бы отправились сами.

Да только и он не был ни самоуверенным снобом, ни новичком в этих играх и никогда не имел привычки считать своих врагов дураками. И отлично знал, как они будут рассуждать и где попытаются его поймать. И делал все, чтобы быть хотя бы на пару шагов впереди.

На берег он сошел последним и не торопясь поплелся за телегой в сторону ограбленного села, прикидывая про себя, как поступит вожак. Немедленно скомандует отправление или остановится здесь до утра. Догонять уходящих с добычей бандитов – не самая лучшая шутка, и Кержан это, несомненно, знает, значит, можно готовиться к ночлегу, но лично для него, Инка, в этом нет ничего хорошего. Лишний день пути значительно уменьшит с таким трудом добытую фору.

Однако предугадать поворот событий в этот раз ему было не суждено. Возле настежь распахнутых ворот толпились люди, в основном мужчины, и почти половина из них были его спутниками, а остальные щеголяли домоткаными крестьянскими штанами и вязаными жилетами из грубой шерсти. Даже издали было понятно, что беседуют они вовсе не о погоде и не о ночном налете. Судя по напряженным позам путников и вилам, которые поудобнее перехватывали селяне, между ними разгорелась нешуточная ссора, и Инквар знал всего пару причин, какие могли так разъярить местных жителей. И первая – не сошлись в оплате за перевоз – казалась ему совершенно невероятной.

Кержан отлично знал местные цены и никогда бы не пожалел лишней серебрушки для пострадавших селян. А вот вторая причина была намного серьезнее, и искусник, поспешивший обшарить толпу взглядом, вскоре ее нашел. Прижавшийся к воротному столбу рыжий парнишка в невзрачном, длинноватом и слишком просторном, явно с чужого плеча, кафтанчике и растоптанных ботинках, тоже переживших не одну починку, диким волчонком смотрел на Кержана и наседавших на него мужиков. Их было трое, и у каждого в руках были не вилы, а топор. И не простые, какими рубят лес или плотничают, а боевые, с широкими, остро наточенными лезвиями и длинной ручкой.

Вожак держал наперевес длинную зазубренную пику на кованой рукояти, в умелых руках становившуюся страшным орудием. По обе стороны от Кержана страшно щерили огромные клыки волкодавы, а позади них стояли те двое путников, которых заметил ночью Инквар. Один из них жестом фокусника небрежно крутил в пальцах небольшой, почти игрушечный кинжал-шило, словно собирался чинить упряжь или лямки походной сумы, а второй с таким же скучающим видом вкладывал болты в многозарядный арбалет, стоявший никак не меньше выездной пары лошадей.

Не доходя до места стремительно надвигавшейся драки, искусник приостановился и соорудил на лице самое испуганное выражение, одновременно хладнокровно прикидывая, где можно будет спрятаться от случайных ударов разъяренных соперников. Знал по опыту – в таких потасовках разгоряченные боем противники лупят, не разбирая, и правых, и виноватых, и не успевшим сбежать зевакам порой достаются самые тяжелые раны.

Разумеется, пожелай Инквар остановить эту драку и пожертвовать одним из своих флаконов, он мог бы одним броском уложить всех присутствующих спать, но сам после этого должен был бы немедленно бежать отсюда и прятаться намного усерднее, чем прежде. Поэтому у него и в мыслях не было делать такую глупость, и, кроме того, искусник ни грана не верил в необычайную смелость и воинственность селян.

Где же эта смелость была у них ночью, когда бандиты вытаскивали из стогов и подвалов их детей и привязывали к седлам? Интересно Инквару было другое: каким образом не попал в лапы ночников этот рыжий пастушок и зачем он так нужен Кержану?

Инквар пристально рассматривал парнишку, ничуть не боясь этой откровенности, – все остальные путешественники изучали причину внезапной войны с не меньшим любопытством.

И с каждым мгновением, с каждой деталью начинал все отчетливее понимать, как неверно оценил с первого взгляда этого паренька, и, что намного обиднее, не только его одного. Не менее загадочными ему теперь казались и двое очень нетрадиционно вооруженных спутников, да и сам вожак.

Причем вожак более всех. Если бы Инквар несколькими днями раньше хоть на миг заподозрил открывшуюся ему сейчас истину, то никогда бы и близко не подошел к его обозу. И теперь нужно было срочно решать, стоит ли рисковать и ехать с этими людьми дальше или все же придется остаться в деревне. Ненадолго, разумеется, всего на день-два, а потом отправиться в путь в одиночку. Очень нелегкая и рискованная задача, но не такая уж невыполнимая.

– Надеюсь, все вы понимаете, – неожиданно мягким, звучным баритоном заявил селянам путник с арбалетом, – что шутить никто из нас не собирается и отступать тоже. И могу вас уверить, если вы не бросите оружие и не разойдетесь миром, вечером ваши заречные соседи поделят ваш скарб и ваших женщин. Неужели этот чахлый городской отпрыск того стоит? Вожак ведь предлагает за него неплохой выкуп, значительно больше, чем дают за таких задохликов бароны.

– У нас теперь огороды полоть некому и скотину пасти! – выкрикнул какой-то горлопан из задних рядов.

– Не смей меня, – презрительно фыркнул Кержан. – Какой с него полольщик? А скот у вас пасут опытные пастухи, которые каждую кочку и каждый перелесок наизусть знают. И с детства привыкли целыми днями с неоседланных коней не слезать. А этот и сам сгинет, и скот потеряет. В общем, так, в последний раз спрашиваю: берете серебро? Или и без денег его увезу.

– А вам-то он зачем? – дерзко выкрикнул вздорный мужичок, прятаясь за спинами соседей. – Небось продадите втрое дороже!

– А простое соображение, что я хочу хоть одного сына вернуть матери, тебе в голову не пришло? – едко осведомился Кержан. – Или туда светлые мысли никогда не заглядывают? Ну и в память о Парвене, не раз он мне коней ковал и повозки чинил... хороший был мастер и человек душевный, не чета вам.

– Прибавь хоть пяток монет, – мрачно буркнул стоявший напротив него мужик, и искусник перевел дух.

Слава богам, селяне оказались не законченными негодяями, а просто жадными дураками.

– Три, – бросил ему монеты вожак. – И только ради ваших баб. Им и так сегодня горя хватило.

Дождлся, пока селяне отступят и разбредутся в стороны, кивнул рыжему на свою повозку и только после того, как тот исчез под пологом, сурово оглядел хмурые лица путешественников и негромко скомандовал отправление.

Спорить никто не стал, даже словечка не проронили. Прекрасно понимали – выдержать

без сна вторую ночь будет очень нелегко, а спокойно лечь спать в этой деревне может только последний лопух.

Инквар тоже безропотно полез на свое место, ситуация в корне изменилась, и теперь не было и речи о том, чтобы оторваться от спутников. Возможно, позднее... но это решение он примет, лишь тщательно все обдумав.

Кержан гнал обоз едва ли не до полуночи, сделав лишь пару кратких остановок, чтобы путники могли сбегать в кусты, и Инквар окончательно убедился в правильности своих догадок, понаблюдав, как вожак отправлял свое новое приобретение прогуляться под надзором умного пса.

Теперь ему было понятно все. И ради чего дядя обрядил рыжика в такие обноски, ведь кузнецы во всех селах – самые зажиточные люди после трактирщиков, и почему парнишка не стирает с мордочки грязные разводы, и кто так неровно и уродливо обкорнал его яркую шевелюру. Хотя, вполне возможно, это вовсе не его собственные волосы, искусник сам частенько пользовался париками и знал множество хитрых способов их крепления.

На ночлег встали на берегу небольшой речушки, и по тому, как уверенно Кержан провел в темноте повозки по петляющей между кустов почти незаметной тропе, было ясно – зелье ночного глаза он не экономит. Да и это укромное местечко было ему, по-видимому, хорошо знакомо. Здесь, несомненно, безопасно, иначе вожак никогда бы тут не остановился.

Но, несмотря на все эти доводы, прятать далеко приготовленные на крайний случай флаконы Инквар все же не стал. Не прекращая исподтишка наблюдать за сиротой, искусник с каждым часом все яснее осознавал, какую огромную головную боль и ничуть не меньшие неприятности приобрел могучий обозник вместе с рыжиком.

Разжигать костры вожак не разрешил, велел перекусить остатками снеди, полученной у селян правобережья, и путешественники снова смолчали. Хотя некоторые и посматривали на нового спутника очень хмуро, однако Кержан не обращал на эти взгляды никакого внимания. Не проявлял особого интереса к путешественникам и рыжий, считавшийся со времени заключения сделки личным имуществом обозника. Сжавшись в комок, молча сидел в уголке повозки и изредка стрелял по сторонам недоверчивыми, злыми взглядами.

Сам вожак относился к нему с показным равнодушием, и эта тактика исподволь начинала тревожить искусника. Кержану стоило бы поговорить со своей покупкой начистоту или доверить это Гарвелю, тому самому обладателю шикарного баритона и редкого оружия. И сделать это нужно было как можно скорее, Инквару на собственном примере было известно, на какие безумные поступки способны доведенные до отчаяния люди.

Жаль только, сам он в этом обличье ничего советовать не мог. Кто же станет слушать старого ротозея, проворонившего собственный кошель?

Но все же решил принять некоторые меры, и не столько ради Кержана или его неожиданной головной боли, сколько ради самого себя. Ведь если с девчонкой, так хитроумно переодетой в парнишку, что ее не разоблачил ни один из приметливых селян, случится какая-нибудь неприятность, можно будет забыть о своевременном прибытии в Азгор и о выигрыше во времени, полученном с таким трудом.

Инквар помянул недобрым словом проклятых ночников, так некстати подгадавших свой налет, и откусил порядком помятый холодный пирог, невольно припомнив свиные ребрышки с острым соусом, которые так часто подавал к ужину повар Хангильды. Это только на приемах и танцевальных вечерах его сожительница корчила из себя томную неженку и могла с самым несчастным видом весь вечер ковырять одно пирожное. Зато дома, едва сорвав с

себя украшения и платье, почти бегом мчалась к столу и уничтожала дожидавшийся ее ужин с таким аппетитом, какому мог бы позавидовать любой из баронских наемников.

Неведомым путем мысли искусника вновь вернулись с жареного мяса к сидевшей на повозке девчонке, и он едва не подавился, внезапно отчетливо осознав простую истину, которая до сих пор почему-то ускользала от его внимания. А ведь девчонка-то никак не смогла бы сама замаскироваться так ловко! Да и кузнец тоже вряд ли приложил к этому руку, поскольку племянники прибыли к нему уже в таком виде. Значит, над ее обликом поработал кто-то из тайных мастеров, и осознание этого совершенно меняло дело.

Все мастера, верные тайным законам братства свободных искусников, считали долгом чести помочь собратям по ремеслу, если подворачивалась такая возможность. И теперь Инквар просто не имел права оставаться в стороне от рыжей напасти, которая, судя по всему, была очень дорога кому-то из его коллег. Значит, первым делом необходимо дать рыжей понять, что он знает ее секрет и обязательно поможет ей вырваться из так внезапно свалившегося на нее рабства. А потом доставит сироту в надежное место, откуда она сможет сама добраться до матери. Или послать той весточку.

Инквар кряхтя поднялся с пригорка, на котором сидел, отряхнул со штанов крошки и побрел в кусты, радуясь своей предусмотрительности. Если бы он спрятал свои флаконы в тайные карманы жилета, пришлось бы уходить подальше и потом изображать заблудившегося. Нищему старику никак нельзя показывать спутникам своей способности ориентироваться в темноте не хуже большинства из них.

На обратном пути искусник словно случайно набрел на повозку вожака, зашлепал ладонями по всем вещам, какие попались под руки, старательно тараща глаза и соорудив испуганную гримасу в ответ на тихое ворчанье пса. Резко метнулся в сторону, едва не запнулся о чьи-то ноги и оказался в крепких руках Кержана. Тот без лишних слов подтолкнул старика к его месту и пошел дальше, не слушая благодарного бормотания.

Инквар устроился в своем уголке телеги, поплотнее замотался в одеяло, подоткнул полог и еле заметно лукаво усмехнулся. Он был уверен в чистоте продланного фокуса. Никто из спутников и не подумает искать крохотную еловую иголку, одним виртуозным движением пальца приклеенную под воротник затрапезного кафтанчика рыжей комедьянтки. Ну а зелье на иголку нанесено простое, расхожее, его часто берут купцы и торгаши разных мастей. Достаточно немного капнуть на любой предмет, а потом на амулет поиска, и ни одна ценная вещьца не уйдет из лавки в карманах забывчивых посетителей.

Утомился обоз почти мгновенно: сказала бессонная прошлая ночь и напряженный, трудный день. Не стал исключением и Инквар, хотя привык спать очень чутко, беспечность – непозволительная роскошь для его профессии.

А на рассвете искусника разбудило встревоженное гудение мужских голосов, похожее на зуд пчелиного роя. И даже еще не открыв глаза, Инквар уже твердо знал: произошло нечто из ряда вон выходящее. Никакая обыденная неприятность не заставила бы вожака обоза скрипеть зубами и взрыкивать, подобно загнанному барсу.

– Доброе утро, – осторожно приветствовал спутников Инквар и неторопливо поплелся мимо них к речке, попутно рассматривая все, что попадалось на глаза, намереваясь составить собственное мнение о важности происходящего. И первым делом для его собственных планов, в которые судьба и так добавила забот о незнакомой ему доселе рыжей девчонке. Впрочем, рыжая ли она на самом деле, тоже пока неизвестно.

У крохотного костерка, умело разожженного под огромным выворотнем, сидел на корточках Кержан и грыз сухарь, пытаясь этим хрустом скрыть свою ярость. Его обычно угрюмо-непроницаемое лицо потемнело от гнева, но во встревоженном взгляде чуть прищуренных черных глаз изредка мелькали растерянность и едва заметная обида. Но больше всего поразило Инквара поведение его собак: они лежали под кустом, положив головы на лапы, и поглядывали на вожака виновато, как щенки, пойманные в момент уничтожения хозяйского сапога.

– И тебе, – пристально оглядев старика, благодушно отозвался Гарвель и с наигранным легкомыслием поинтересовался: – Хорошо спал?

– Да, как младенец, – довольно улыбнулся искусник. – За две ночки наверстал. Пойду умоюсь... небось скоро двинемся?

– И ничего не слышал? – поднял на него темный взгляд Кержан.

– Ни одного звука, сморило как отрезало, – все медленнее говорил Инквар, начиная понимать, что так замечательно спал он вовсе не один. – Ох ты, боже ж мой! Так случилось чего?

– Парнишка сбежал, – спросив взглядом разрешения вожака, посвятил его в суть проблемы Гарвель. – Вчерашний, рыжий.

– А собаки? – оглянулся старик, и псы еще плотнее прижались к траве, словно поняли, о чем речь.

– Спали вместе с нами, – нехотя буркнул путешественник и отвернулся от старика, потеряв к нему всякий интерес.

Зато вожак глянул как-то загадочно, поднялся с корточек, отряхнул с колен крошки.

– Идем, провожу тебя к речке, – равнодушно буркнул он. – Все равно воды набрать нужно.

Подхватил почти пустой бурдюк и первым шагнул к кустам. Искусник мгновенно почуял опасность, натренированная бдительность так и взвыла раненым зверем, но теперь у Инквара не было никакой возможности куда-либо свернуть или отказаться. Раз Кержан хочет с ним поговорить, то уже не отступит.

Да и собаки, повинуясь незаметному щелчку хозяйских пальцев, мгновенно поднялись с места и двинулись за ними.

– Старик... – уйдя по берегу шагов на двадцать, напряженно произнес Кержан, – я уважаю чужие тайны и никогда в них не лезу. Но этого мальчишку мне нужно найти обязательно. Ничего не пожалею, если сможешь хоть что-нибудь сделать...

– Ничего мне не нужно, – сухо произнес Инквар, с огорчением понимая, что его тайна давно раскрыта и вовсе не так уж безопасно он путешествовал, как наивно считал до этого момента. – Только честные ответы на мои вопросы.

И хотя очень надеялся на устраивающее обоих окончание переговоров, все же крепче стиснул в руке флакон с мощным парализующим зельем, который достал, пробираясь сквозь кусты. Жаль, конечно, ценное снадобье, но если цена за молчание и помощь будет слишком высока, придется им пожертвовать.

– На какие могу – отвечу сразу, – объявил Кержан, твердо глядя в глаза Инквара. – А про чужие тайны – извини.

– Хорошо, – не стал спорить искусник. Если сведений будет достаточно, выводы он сделает и сам. – Первый... где я ошибся?

– Нигде, – загадочно усмехнулся вожак, взглянул на построжавшее лицо лжестарика и

нехотя признался: — У меня тоже дар, совсем крохотный, но амулеты и напоенные силой вещи я чувствую, если они, конечно, совсем рядом, как сейчас. Тем и живу... как ты можешь понять, одним проводом обзоров состояния не скопить.

— Ясно, — кивнул Инквар, успокаиваясь.

Признание в обладании даром дорогого стоит, и никогда ни один из тех, кто живет свободно, не выдаст собрата. А вот те, кого правители городов либо вольные бароны поймали и связали по рукам обещаниями и шантажом, поневоле вынуждены шпионить для своих хозяев. Хотя далеко не все делают это с должным рвением, большинство мечтает однажды оказаться на свободе, и все они отлично понимают, что собратья никогда не забудут и не простят предательства.

— Тогда скажи, почему ты купил этого парнишку?

— Парвен был таким же, как мы, и прятался в этой глуши от одного из баронов. Он умел делать особые клинки — они резали дыры даже в стальных щитах. Разумеется, никто, кроме меня, этого не знал... он нарочно внешность сменил, — тяжело выговорил вожак. — И хотя в свои дела меня не посвящал, но его подопечных я заметил еще в прошлый раз, когда вел обоз на запад. И в память о нем должен хотя бы их уберечь.

Знакомая боль резанула сердце Инквара: вот и еще один из них ушел, не справившись с тяжелой жизнью загнанного в угол зверя.

— Ты еще тогда понял, — помолчав и оглянувшись, еле слышно осведомился искусник, — что рыжик не мальчишка?

— Трудно не понять, когда это твоя главная работа — определять по лицам и поведению людей, кто из них встанет рядом в трудное время, а кто воткнет в спину кинжал, — хмуро усмехнулся вожак. — А если ты понял... то почему не приглядел?

— Да с чего ты так решил? — так же сумрачно фыркнул Инквар. — Успел я ее пометить... А вот почему спал так крепко, теперь могу только догадываться. Над ней ведь мастер поработал и зельями наверняка снабдил... или амулетами? Ты же чувствуешь, вот и подскажи?

— Есть у нее амулеты... и спрятаны в разных местах, в рыжих лохмах, думаю, под париком и где-то на уровне груди, — веселея, доложил вожак. — Так куда она делась?

— Сейчас скажу, — доставая амулет поиска, пообещал Инквар.

Впрочем, только он один знал, что держит в руках весьма ценную вещь, способную вести одновременно до пяти-шести предметов или существ. Для обычных же людей артефакт выглядел как крохотное, старенькое, облезлое и поцарапанное зеркальце, перед какими прихорашиваются деревенские сиротки да скоблят на щеках щетину старые калеки.

Положив его на ладонь, искусник капнул на середину немного зелья поиска и замер, глядя, как растекается по поверхности светлая золотистая лужица.

Сначала она казалась просто водой, но по мере того, как растекалась по поверхности зеркальца, стала казаться солнечным зайчиком. Кержан даже глаза к небу на миг поднял, решив, что уже поднялось солнце и рассеяло густой предутренний туман.

Оказалось — ничего подобного, как висела над миром серая сырая хмарь, так и висит, запутавшись краями в колючих вершинах, торчавших на взгорке елок. А разлившийся по невзрачному стеклышку свет постепенно стек в одну сторону и замер бледным пятнышком с яркой точкой на самом краю.

— Она находится там, — уверенно сообщил искусник, указывая туда, куда так явно стремился чудесный лучик. — И уже довольно далеко. Не менее пяти лиг.

— Продай мне этот амулет, — протянул руку вожак. — Плачу любую цену.

– Не могу, один он у меня. Однако на время дам, вот кисет, спрячь. Перевернуть не бойся, зелье уже впиталось, но смотри, лишь когда в тени окажешься. На солнце трудно понять, куда указывает лучик.

– Спасибо. – Вожак спрятал зеркальце и махнул в сторону стоянки. – Иди, я догоню. Не нужно сеять сомнения.

Инквар молча кивнул и направился к повозкам, прикидывая, какие из его запасов нужно незаметно переложить поближе, чтобы не оказаться врасплох перед новыми хитростями запуганной девчонки.

Обоз сорвался с места, как стайка потревоженных птиц, и снова никто не высказал вожаку никаких претензий. И в этом дружном молчании искусник видел негласное одобрение действий Кержана. Инквар отлично понимал, каким путем шли бы его собственные мысли, если он не знал про ведущий обозника амулет.

Наверняка считал бы, что сбежавший «мальчишка» вполне может привести к обозу беду, и необязательно это будут ночники или баронские ловцы. Иногда в пустынных местах попадались стаи странных существ, порождений проклятого звездопада. Впрочем, вокруг темы о том, был ли он откровенным злом или все-таки божественной благодатью, до сих пор бушуют яростные, как петушинные бои, споры.

Однако и среди тех, кто никогда не опустится до запальчивых выкриков и прилюдных оскорблений, имеется немало ярких поклонников самых разнообразных мнений.

А ведь сначала абсолютно все сочли волшебным подарком внезапно начавшийся и не прекращающийся почти до рассвета звездопад. Водопад ярко горящих зеленоватых огней, низвергающийся на города, села и уголья густонаселенного центрального материка, превратил самую темную ночь в году в чарующе прекрасный праздник, и горько потом сожалели о своем неведении те, кто лег спать пораньше или сидел дома в одиночестве, плотно занавесив окна.

Многие годы после этой ночи ее называли чудесной, дивной и волшебной, писали о зеленом звездопаде стихи и слагали песни. Тогда еще никто не догадывался, что это была переломная ночь для всего мира и он никогда больше не будет таким, как прежде. Шумным, перенаселенным, слегка голодноватым и очень экономным. А самое главное – совершенно лишенным магии.

Раньше других о ее появлении догадались родители родившихся после звездопада малышей. Едва детишки подросли, как с ними начали происходить странные вещи. Одни видели то, чего не видел больше никто из обычных людей, другие умели предсказывать дожди и бури, некоторые могли утешать боль прикосновением маленьких пальчиков. Разумеется, звездопадная ночь одарила далеко не всех, но исток этого явления был именно в ней.

Все самые большие изменения пришли в этот мир именно со звездопадом, хотя люди осознали это далеко не сразу. Лишь через несколько лет кто-то догадался сверить даты и объявить ошеломляющие выводы. Важнейшим событием тех лет стало резкое повсеместное падение рождаемости. Ровно через девять месяцев после звездопада лекари и повитухи вдруг получили неожиданную передышку и перестали отказывать в помощи тем роженицам, которые не могли заплатить довольно высокую плату за помощь хорошего целителя. В те дни повитухи еще не догадывались, что совсем скоро, буквально через несколько месяцев, им предстоит с горечью вспоминать ушедшее благополучие и срочно искать другую, но уже не

столь прибыльную работу.

Немного позже обнаружили способности у первых одаренных подростков, чувствующих струящуюся в растениях, воде и крови живую энергию. Еще через несколько лет самые талантливые из них сумели придумать, как применить эту силу на пользу себе и близким, и именно эти самородки были первыми искусниками. Они собирали притянутую с помощью нехитрых пирамидок магию и вливали ее в камни, металлы и даже в осколки хрустальных кубков и зеркал. За ними подросли целители, излечивающие раны и язвы прикосновением ладоней, травники, творящие чудеса целительства с помощью отваров самых простых трав, которые они усиливали собранной искусниками магией, и мастера, ощущающие, в какой камень или предмет можно влить больше силы, и ковавшие и отливавшие первые амулеты, оружие и артефакты.

Конечно, все они, только торившие пути для своих потомков, зачастую ошибались или шли неверными тропками, но именно им принадлежали самые большие и яркие открытия и самые первые победы и поражения в деле изучения свойств обрушившейся на родной мир чудесной энергии.

Как стало ясно много позже, она все-таки не пролилась, а просыпалась, и свидетельством тому стали найденные в почве и в стволах деревьев камни, покрытые черной спекшейся корочкой. Под ней они оказывались ослепительно-зелеными и несли в себе просто сумасшедшее количество энергии. Но далеко не все могли безнаказанно брать их в руки, тем из людей, кто не имел дара искусника, грозило бесплодие, а иногда даже и безумие.

Первый привал Кержан объявил через три часа. И сразу же прошел вдоль обоза, делая вид, будто проверяет животных и повозки. Однако поравнявшись с телегой, на которой ехал Инквар, стрельнул в искусника хмурым взглядом, и тот, правильно поняв вожака, немедленно сполз с повозки и, покрхтывая, поплелся в дальние кусты.

Кержан подошел к нему через пяток минут с другой стороны, оставил пса в кустах на страже и кивнул на поваленный ствол:

– Садись. – Немедленно уселся рядом с искусником и протянул ему зеркальце: – Смотри, что скажешь?

Инквар взял амулет в руки, поглядел на застывшую на его краю светлую точку и выругался про себя. Приличных слов, какие можно было бы сказать в подобных случаях, он не знал.

– Давно это?

– Первые пару часов она явно увеличивалась, – буркнул вожак. – А потом застыла.

– Ты же и сам понимаешь не хуже меня, – вздохнул Инк, – объяснение только одно: беглец едет на повозке или на лошади. А вот сама эта дурочка нашла попутчиков или ее нашли ловцы – можно будет точно сказать только в одном случае: если мы их догоним.

– Нужно нагнать, – твердо сказал Кержан, немного подумал и добавил: – У меня есть зелье... лошади после него мчатся как ветер.

– А потом дружно дохнут, – сумрачно усмехнулся Инквар. – У меня есть такое же, возможно, и сильнее твоего. Допустим, мы помчимся ее догонять... а там отряд ловцов, они тоже с пустыми карманами не ездят. Нет, оставь его до следующего раза, такой шутки твои клиенты тебе не простят. А в одиночку ты уехать не сможешь. И я не смогу поехать с тобой, пока не оставил обоз. Твой выбор спутника всем покажется очень подозрительным, и меня

станут рассматривать через алхимические стекла. Давай так – в ближайшей деревушке мы с тобой поссоримся, и ты меня бросишь, а как отъедешь от деревни подальше, то якобы спохватишься, передашь обоз помощнику и вернешься за мной. Не самый лучший план... но другого у меня пока нет. А я за это время куплю себе лошадку и порасспрошу жителей. Если ловцы проехали через ту деревню, мне об этом непременно расскажут. Встретимся на дороге, я буду держаться за вами. На всякий случай возьми вот этот камень, по нему я тебя в любых кустах найду. А амулет поиска верни, я попробую немного усилить, пока добираемся до деревни.

Вожак угрюмо сопел ровно пару минут, потом решительно взял невзрачный камушек, повешенный на бечевку, сплетенную из конского волоса, и ушел, оставив зеркальце в руках Инквара. Искусник хмуро усмехнулся, сунул амулет в тот потайной карман жилета, где носил пирамидку силы, и поднялся со ствола, вспоминая поговорку, гласящую о недолговечности тщательно продуманных и подготовленных планов.

В этот день госпожа случайность им явно благоволила, и искать повод для скандала вожаку не пришлось. Когда обоз, добравшись до довольно крупной деревушки, остановился рядом с деревенской харчевней прикупить снеди и свежего хлеба, там уже ждали okazji несколько сборщиков ценного орехового сока со своими бочонками и бутылками. Они предложили Кержану за перевоз очень хорошую цену, и тот немедленно согласился. А пока крепкие, кряжистые резчики торопливо грузили свой товар на повозки, вожак при свидетелях подошел к старику и сухо сообщил, что везти его дальше не может. Телеги теперь и так перегружены.

Инквар понимающе закивал, поспешно схватил свою невзрачную котомку и поплелся под навес, где стояли столы для самых бедных путников.

Там он купил за медную монетку миску похлебки и ломоть хлеба, и некоторое время его бывшие спутники, всходившие на крыльцо трактира, чтобы поесть как следует, спотыкались взглядом о согнутую спину в знакомом потертом зипуне. Но когда, пообедав, они выбрались наружу и начали рассаживаться по повозкам, старика поблизости уже не было.

Некоторые путники из тех, кто путешествовал с Кержаном от самой Листры, заметили, как потемнело лицо вожака, после того как он словно невзначай оглядел стоящие под навесом столы, и понимающе усмехнулись. Обозник слыл человеком суровым, но не лишенным сострадания, и случай с выкупом глупого рыжего мальчишки подтвердил это как нельзя лучше.

Однако вспомнили они об этом только через полчаса, когда мрачный, словно туча, вожак внезапно передал управление обозом помощнику и, наказав ему встать на привал в обычном месте, возле переправы, влез на коня и помчался назад.

Во взглядах, какими провожали его путники, можно было найти отголоски самых разнообразных чувств, от понимания и недоумения до откровенного осуждения, но никто не догадывался, как мало волновало их мнение мчавшегося сквозь лес Кержана.

И никто не мог даже заподозрить, как недалеко придется ехать вожаку. Едва скрылась из виду последняя телега, из покрытых молодой листвой придорожных кустов раздался свист, и Кержан резко натянул поводья, останавливая коня. И пока он неверяще вглядывался в посветлевший камень, рядом оказался Инквар верхом на холеном жеребце.

– Быстро ты, – облегченно выдохнул вожак, и в его глазах блеснула искренняя благодарность. – И конь неплохой. Как будем обгонять обоз? Этот лес я знаю плоховато, но камней и выворотней в нем предостаточно.

– Не волнуйся, попробуем, я расспросил про дорогу, местные в этом лесу каждый куст знают. Вот, дай своему коню горбушку, потом еще добавим.

И Инквар решительно свернул в бузинник.

Вожак молча кивнул: сомневаться в честности искусника у него не было никакого повода. Усмехнулся лишь немного позже, припомнив, как презрительно смотрели на него спутники, когда он выгонял бедного старика из обоза. Никогда не суждено им узнать, что Кержан скорее выгнал бы большинство из них, чем этого нищего. Несомненно, мнимого, ведь таких жеребцов дешево не купишь, тем более весной.

Инквар не торопил коня, умное животное и само найдет проходы между кустами и деревьями. Да и лес по весне всегда чище летнего, и тропы четче. И хотя вожаку он немного солгал, но не по злости и не из-за особой скрытности. Просто не любят искусники долгих объяснений, особенно когда время дорого.

Иначе пришлось бы рассказывать про долгие часы, проведенные над картами и пухлыми, переписанными от руки дневниками его коллег, когда-либо путешествовавших в местах, через которые он прокладывал свои пути. И основные, и запасные. Он и сам, добравшись до какого-нибудь спокойного места, сядет на несколько дней за письменный стол и подробно опишет все до мельчайших деталей, и эти сведения, возможно, однажды помогут ускользнуть из смертельной ловушки кому-то из тех, кого судьба забросит в эти места.

Вот сегодня эти записи ему очень помогли. Едва узнав от подавальщика трактира название деревни, искусник отчетливо припомнил имя, обведенное в том пухлом отчете зелеными чернилами. Место, где находится бакалейная лавка торговца, отмеченного как «особо надежный человек», тоже было указано, и именно туда Инквар и направился, наскоро доев похлебку.

По первому знаку искусника купец изобразил на лице почти настоящее счастье, назвал его дорогим дедушкой и мгновенно проводил через заднюю дверь в дом. Единственный приказчик отнесся к появлению незнакомого дедушки совершенно равнодушно, и Инквар отлично знал почему. Эртал происходил из племени пустынников, а у них каждый человек, с которым пришлось хоть раз в жизни посидеть за одним столом или просто поговорить по душам, с тех пор считался родичем. И таких могло приходить к Эрталу не по одному десятку в день.

Все остальное устроилось быстро и просто. Некоторые копуши не успели бы еще пожарить яйцо, а Инквар уже купил и коня, и седло, и даже набил припасами дорожный мешок. Не забыл он про запасную одежду и одеяло, точно зная – у Кержана не будет возможности взять с собой даже кусок хлеба. Он ведь пообещает спутникам вернуться не позже чем через час.

– Тропа тут торная, – хмуро заметил вожак через некоторое время, когда искусник придержал коня, чтобы взглянуть на амулет поиска.

– На холме руины древнего городка, – ответил Инквар, махнув рукой в северном направлении, и прямо глянул в лицо спутника. – Раньше он звался Ивстон, и, как я слышал, там любят останавливаться ночники.

– А зеркало? – сильнее нахмурился Кержан.

– Вот, – протянул ему на ладони амулет искусник.

Ставшая намного ярче светлая точка маячка скатилась именно в ту сторону, куда недавно

показывал Инквар. И это ни одному из них не прибавило радости; вдвоем вступить в борьбу с отрядом здоровых мужиков – не самый лучший способ самоубийства.

– Чертова дура, – безнадежно выдохнул обозник и мрачно глянул на старика. – Как возвращаться будем?

– Ты можешь свернуть возле тех елок, – взглянув на рисунок, наспех нацарапанный Эрталом, предложил Инквар. – Там заберешь вправо и скоро будешь на дороге.

– А ты?

– Мне уходить нельзя... попробую подобраться ближе. Но если соберешь подмогу, не обижусь.

– Сколько сможешь продержаться?

– Если не стану с ними связываться – хоть три дня, – сухо буркнул Инквар и отвернулся.

А о чем говорить, если оба они не понаслышке знают о том, какими странными путями ведет иногда людей судьба. И только госпоже случайности известно, придется ли искуснику сражаться с бандитами, занимающимися тайной работоторговлей, или удастся отсидеться в укромном местечке. Именно она, изменница, подсовывает людям под ноги то ровную тропку, то ловушку, и заранее никто встречи с ней предугадать не может.

– Я постараюсь вернуться поскорее, – тихо пообещал Кержан и хлестнул коня.

– Голову только не сломай, – проворчал сквозь зубы Инквар, следя за стремительно ринувшимся вниз скакуном, которому несколько капель зелья, проглоченных вместе с горбушкой, придали тройной силы.

А потом спрыгнул на землю и достал еще горбушку и крохотный флакончик. Своему коню он уже давал немного другие зелья, и в первую очередь снадобье, напрочь отбивающее интерес к другим лошадям. Весной даже самые смирные жеребцы становятся неукротимыми от одного лишь дуновения ветерка, приносящего запах загулявшей кобылки, и немедленно дают это понять всему миру неудержимым призывным ржанием.

Сейчас же Инквар намеревался дать животному зелье, усиливающее подозрительность и одновременно привязывающее к хозяину. Именно такими зельями пользовались баронские стражи, растившие себе боевых коней.

Заодно искусник и сам проглотил густую каплю сумасшедше дорогого снадобья, прибавляющего телу скорости и ловкости, а уму – внимательности, но жалел вовсе не золото, какое мог бы выручить за выпитое зелье, а собственное тело, которое после этой авантюры будет покрыто ноющими синяками и ссадинами. Если, разумеется, ему удастся уцелеть. В бою ловцы и ночники никогда не щадят искусников, отлично зная, как трудно захватить живьем человека, выбравшего главной целью жизни полную свободу. И прежде чем выдохшийся мастер попадет в жадные лапы, он отправит за грань не один десяток крепких воинов.

Закончив все необходимые приготовления, Инквар снова взобрался на жеребчика и направил его в ту сторону, куда указывала все сильнее разгорающаяся капля.

Опытным путем он давно установил, на каком расстоянии от амулета должен находиться помеченный предмет, и теперь ехал напрямик, не боясь налететь на дозорных. Во-первых, до руин еще больше лиги, а во-вторых, ночники почти никогда не заботятся об особой защите, полагаясь на доносы преданных соглядатаев, заранее сообщающих им обо всех вооруженных отрядах. Ну а дерзких смельчаков, способных напасть на хорошо спрятанную в лабиринте руин стоянку, бандитам можно даже не опасаться. В селах таких героев нет, да и в ближайших городах их считанные единицы, и о том, куда они направляются, докладывают те же доносчики.

Добравшись до густого ельника, росшего в половине пути до руин, Инквар на минутку приостановил коня и достал амулет, желая проверить свои расчеты. И тут же пораженно замер, обнаружив, что маячок светится вовсе не там, куда он направляется.

И это могло означать только одно: рыжая бестолочь весьма быстро едет как раз в ту сторону, куда ушел обоз. А вот одна или с ночниками, искуснику предстояло выяснить самому, и немедленно, иначе ведущий ему помощь Кержан столкнется с ними лоб в лоб.

Следующие несколько минут Инквар, непрестанно поторапливая и так не медлившего жеребца, пробирался по пологому склону вниз, наметив себе целью точку, расположенную значительно правее того места, где, судя по зеркальцу, находилась сейчас беглянка. Он надеялся попасть к месту встречи Кержана с бандитами хоть на пять минут раньше обозника, хотя и понимал, как много времени потерял зря, поднимаясь к вершине холма.

Теперь совершенно непонятно, почему до звездопада люди предпочитали строить города на возвышенных местах, – воду там доставать намного труднее, а добираться до плодородных

мест, где можно пасти скот и сажать овощи, далеко и неудобно. Потому-то, когда в долинах оказалось достаточно свободных домов и полей, первыми люди покинули именно эти города и поселки. Лишь некоторые упрямцы продолжали до последнего держаться за родовые жилища, тратя все силы и средства на поддержание их в более-менее приемлемом для жизни виде.

Но если отчеты собратьев точны, то на этом холме никого из таких стариков давно уже не осталось.

Когда Инквар остановился в очередной раз, прислушаться и определить, где находится беглянка, его снова ждало неприятное открытие. Сильно подросшая золотистая точка замерла с левого края зеркальца, а синеватая, привязанная к подаренному Кержану камушку, бледно мерцала справа. И теперь искуснику предстояло немедленно выбирать, в какую сторону направиться.

Думал он недолго – решительно дернул повод влево и пригнулся, пряча лицо от густых ветвей дикой сирени. Но вовсе не расстояние имело для Инквара значение, он никогда не руководствовался такими простыми причинами. Все было проще и одновременно труднее. Искусник точно знал: в тот миг, когда едущий ему на подмогу Кержан столкнется с первыми бандитами, их атаман даст приказ срочно увозить пленников в руины, и вот тогда никто и медяка не даст ни за возможность освобождения рыжей дурочки, ни за жизни ее и остальных пленников. По одному взятых в неволю людей ночники обычно не перевозили.

Чем ближе становилась цель поездки, тем ярче разгоралась золотистая точка, и вскоре искуснику пришлось слезать с коня и вести его в поводу, а потом и вовсе оставить у куста, привязав за тонкую ветку. В крайнем случае животному не составит никакого труда ее оборвать. Последние метры Инквар не шел, а крался, накинув на голову сшитую из неровных обрезков грубой ткани серого и зеленоватого цвета тряпку, похожую на старенькое лоскутное покрывало. Искуснику достаточно было замереть рядом с кустом или в тени дерева, как он мгновенно становился невидим для неискушенных взглядов.

Судя по огоньку в амулете, девчонка была очень близко, не больше полусотни шагов, и эти шаги Инквар проделал с особой осторожностью, не забывая поглядывать вверх. Колыхание верхушек кустов предупреждало о приближении людей или животных, а на верхних ветвях деревьев вполне могли прятаться дозорные. Еще Инквар присматривал сразу за двумя амулетами. Второй, самый ценный из имеющихся у него особых вещей, показывал все наполненные силой вещи на расстоянии в пару десятков шагов. Инквар давно вделал его в потертый медный брачный браслет, который в пути носил не снимая. Якобы в память о жене, которой на самом деле у него никогда не было.

И именно этот амулет первым предупредил своего хозяина о приближении заряженного магией предмета.

Некоторое время замерший статуей искусник вслушивался и всматривался в густо заросшую орешником неглубокую ложину и ждал, не выдаст ли себя затаившийся там незнакомец шумом или движением. Затем огорченно вздохнул и достал из кармана очередной флакончик. Однако проглотить усиливающую слух пилюлю не успел – в гуще кустов что-то зашелестело, а через мгновение там протяжно фыркнула лошадь.

Инквар недоверчиво прищурился, посомневался, потом сунул зелье на место, достал другой флакон, сжал его в кулаке и, пригнувшись, полез в кусты. Раздвигая ветви так бережно и медленно, словно они были стеклянными, сделал несколько осторожных шагов и замер, рассмотрев в просвет между стволиками небольшую полянку, над которой нависали ветви

раскидистой ивы. Помедлив, искусник шагнул под них, готовый в любой миг плеснуть в лицо врагу настой горькой хиаллы, свое обычное оружие.

И тут рассмотрел пару привязанных к стволу лошадей и на крупе одной из них ярко-рыжее пятно. Секундой позже Инквар разглядел грязные, исцарапанные руки, бессильно свесившиеся ниже растрепанных рыжих лохм, и волосяные веревки, крепко стягивающие тонкие запястья.

Девчонка была перекинута через круп и крепко привязана позади седла, стало быть, бандитов, которые куда-то везли пойманную дурочку, было не менее двух.

Однако рядом с лошадьми Инквар не увидел ни одного и не стал гадать, куда они делись, – отправились на помощь сообщникам или просто караулят на тропе, спрятав животных в укромном месте. Проверил лишь, далеко ли теперь наполненный силой предмет, и был приятно удивлен, когда его амулет показал на рыжую.

Значит, защита на ней все-таки была, и в том, что она не сработала, нужно в первую очередь винить владелицу амулета. Все вещи всегда служат людям намного успешнее, если хозяин им попадаетеся толковый. А неряшливые да торопливые и хорошую вещь испортят, и себе пользы не добавят. Если еще вреда не наделают. Видел он таких и даже лечил, не в правилах искусников отказываться от какого-либо заработка, если он, разумеется, не пахнет насилием и подлостью.

Эти рассуждения мелькали где-то на краю сознания, пока Инк пытался решить основную проблему: как поступить с лошадьми. Лучше всего было бы увести их вместе с девчонкой, лишив бандитов возможности пуститься в погоню, но этот способ был хорош только в том случае, если лошади служат бандитам недолго. А вот если они выучены, то лучше оставить их на месте, брызнув в морды по паре капель того зелья, какое искусник приготовил для их хозяев.

И понять это можно только одним способом – подойти ближе. Эти колебания заняли не более минуты, а потом Инквар осторожно скользнул к животным, по-хозяйски потрепал по шее одну, другую... и принялся торопливо снимать сброшенные на сучок поводья. Сегодня удача ему все-таки улыбается – никогда не даст себя погладить лошадь, обученная подчиняться только хозяину.

А еще через минуту искусник уже вел сквозь кусты маленький караван, чутко прислушиваясь ко всем звукам, которые различал усиленный зельем слух. Пришлось-таки проглотить заветный шарик. Теперь, когда Инквар отвечал не только за себя, приходилось быть вдвое бдительнее. И хиаллой на кусты он тоже брызнул, вернувшись в проделанный лошадьми проход. От тех, кто подолгу живет на положении хищников, трудно скрыть следы произошедшего, они умеют определять по смятой травинке, куда и сколько людей прошло.

И тем более не смогут не заметить след своих лошадей, если вернуться, конечно.

Добравшись до жеребчика, Инквар настороженно огляделся по сторонам, проверил амулет поиска и, убедившись, что синяя точка по-прежнему указывает в направлении дороги на Азгор, решил потратить пару минут, чтобы устроить беглянку поудобнее.

Но первым делом он развязал ей руки и выбросил подальше веревки, сам он такими не пользовался, а возить в карманах доказательство против себя неосторожно и глупо. Ночники никогда не откажутся от мысли догнать и наказать того, кто лишил их заработка, несмотря на свою осторожность и возможность встречи с воинами баронов. Ведь живой товар они сбывают далеко не простым крестьянам, поэтому зачастую осведомлены о том, куда

направились отряды наемников, не хуже их командиров.

Девчонка так и не пришла в сознание, пока искусник заворачивал ее в одеяло, усаживал в свое седло и ловко привязывал к нему собственной бечевой. И хорошо, что не очнулась. Инку пришлось протереть ей многочисленные царапины и синяки на руках и лице зельем собственного приготовления, а оно поначалу довольно неприятно щиплет. Зато потом заживляет все раны в несколько раз быстрее, чем все остальные мази, и после него не остается ни шрамов, ни отметин.

Потом искусник гнал коней в ту сторону, где обещанная Кержаном подмога наверняка уже встретилась с бандитами, и с огорчением думал о своенравности судьбы, одним махом сломавшей все его так тщательно обдуманные планы.

Как ни обидно, но дальше продолжать путешествие с обозом он теперь не мог, слишком много вопросов и сомнений вызовет его появление вместе с рыжей бедой. Только ленивый не задумается о чередѣ странных совпадений, и даже самая складная сказка не спасет его от законных подозрений. Менять же облик довольно долго и сложно, поэтому придется незаметно сдать девчонку вожаку и добираться до ближайшей деревни в одиночку, а там ждать следующих попутчиков. Это не менее декады или двух: весной обозы на восток ходят крайне редко.

И значит, к тому времени как Инквар прибѣдет в Азгор, его портрет будет висеть на каждом позорном столбе. Это была любимая уловка ловцов – выдать свою жертву за опасного преступника и объявить за его поимку хорошую награду, сделав соучастниками травли всех желающих быстро разбогатеть.

Искусник огорченно ругнулся, заставил себя на время выбросить из головы мысли о будущем и снова покосился на амулет. Сначала необходимо выяснить, как дела у Кержана. Судя по огоньку, вожак был где-то поблизости, и на этот раз пришлось подъезжать к месту почти вплотную. Оставить без присмотра девчонку и лошадей в кустах Инквар не решился, слишком странным казалось ему внезапное исчезновение бандитов.

Поэтому он спешил с лошади и осторожно пошел впереди, ведя за собой в поводу жеребца и тщательно вслушиваясь в окружающие его звуки, надеясь разобрать шум боя. Вряд ли встреча могла обойтись без схватки, договариваться с бандитами миром Кержан не собирался изначально. Ну а ночники никогда даже и не пытались, отлично зная, сколько на их совести грязных дел и как их ненавидят жители городов и сел.

Внезапно из куста прямо перед Инкваром вынырнула темно-серая, лобастая голова с разинутой пастью, в которой белели внушительные клыки и розовел свесившийся язык, и он едва сдержался, чтобы не плеснуть в эту пасть зелье из зажатого в руке флакончика. А уже в следующий момент облегченно выдохнул и сунул пузырек в карман.

Стало быть, с вожаком все в порядке, раз послал на поиски Инка одного из своих псов, и можно дать ему сигнал об успешном выполнении задания. Показываться на глаза соратникам Кержана Инквар не собирался.

Достав из кармана лоскут, искусник повязал его на ветку и бросил собаке:

– Неси хозяину!

Однако пес и не подумал исполнять его распоряжение, более того, он мотнул башкой, словно отвергая такой вариант действий, и, мягко ухватив Инквара за полу куртки, потянул в ту сторону, где, как показывал амулет, находился Кержан. Искусник попытался вытащить свое неказистое одеяние из пасти пса, но тот еле слышно зарычал и сильнее стиснул

внушительные клыки.

Значит, животное получило приказ привести его, сообразил Инк, успевший оценить сообразительность мохнатых любимцев Кержана и их верность хозяину. Удрученно вздохнул и, не видя иного выхода, нехотя подчинился упрямой зверине. Хотя при необходимости искусник шутя справился бы и со стаей таких собак, но только не сейчас и не этих. За своих псов Кержан убьет любого, да и глупо поссориться в такой момент с вожак.

Пришлось лезть через кусты за упорно не отпускавшим его псом, тревожась за так и не пришедшую в себя девчонку, оставленную на произвол судьбы в непролазных зарослях.

Истинное положение дел Инквар осознал, выйдя вслед за псом на безлесную прогалинку, по которой вилась неприметная, полускрытая прошлогодними сорняками тропа, ведущая в сторону руин. Видимо, обитатели покинутого города намеренно старались ездить по ней пореже, чтобы не выдавать своего логова. Но сегодня они пришли именно по этой стежке, ставшей последней для всех бандитов.

Инквар медленно обвел взглядом место недавнего побоища и невольно вздрогнул, когда полулежащий у края полянки огромный мужчина в незнакомом серо-зеленом одеянии вдруг шевельнулся и приподнял голову:

– Неужели я настолько паршиво выгляжу или сильно изменился за последние пару часов?

– Ты выглядишь отлично, но сначала я хотел убедиться, что все бандиты уже на пути в сумрачные долины.

– Не волнуйся, Гарвель уже проверил, – мрачно усмехнулся вожак. – Он уехал за повозкой, на лошадь мне сейчас не сесть... достал один гад. Но и разыграть представление, будто нашел девчонку сам, я теперь тоже не смогу. Соврешь что-нибудь?

– А куда деваться, – огорченно пожал плечами искусник, шаря по карманам. – Ты зелье уже пил?

– Да. А как она?

– Без сознания. Висела на крупе головой вниз, но сердце бьется ровно. Пока пусть едет так, я привязал крепко.

– А эти... – с отвращением мотнул головой в сторону поверженных врагов обозник, – ничего не прознали?

– Думаю, времени не было. Кто их догнал, твои собаки?

– Псы. Они мне лет пять назад от одного фигляра достались, сам порой диву даюсь от их умений.

– Ясно, – кивнул искусник, начиная понимать, как развивались тут события, оставалось выяснить только одну деталь. – А кто еще, кроме Гарвея, тебе помогал? И насколько ты ему веришь?

Разговаривая с обозником, он не стоял на месте, а осторожно, как лесной зверь, обходил поле боя, собирая с бандитов амулеты и кошель. Хоть и неприятное дело, но не сделать нельзя: бандиты, найдя своих убитых подельников, обязательно проверят, ради чего на них напали. И если найдут кошель нетронутыми, то сразу поймут, что нападавших интересовало вовсе не золото и дорогие изделия искусников, а нечто иное. И тогда только дурак не сделает простого вывода – насколько ценно было это нечто, раз ради него кто-то не побоялся напасть на толпу хорошо вооруженных бандитов.

– Он был с Дайгом, своим телохранителем. Ты не мог его не запомнить, они во время опасности держатся рядом. А в спокойное время Дайг едет в простой телеге.

– Значит, Гарвель – барон? Или один из его людей? – напрягся искусник.

– Нет, баронов я не вожу. Он сын известного ювелира из Гарна и занимается тут делами отца. Они едут со мной не в первый раз, потому и доверяю.

– Камень с души, – честно признался Инквар, ссыпал найденные ценности в мешок и положил около вожака. – Держи добычу. А вот эти амулеты я потихоньку проверю и заряджу, потом отдам. Теперь насчет соврать... Много придумывать не будем, у некоторых амулеты чуют ложь. Тут от дороги недалеко, скажу, мол, жеребец лошадок почуял, я и решил посмотреть, потихоньку, конечно, якобы засады боялся. Вот и набрел на спрятанных в кустах лошадей с рыжим беглецом. Дуракам, сам знаешь, иногда сказочно везет. А тут пес на меня вылез и силком к тебе привел. А кому не поверится, пусть попробуют проверить, я с вами доберусь до переправы и исчезну, оттуда мне в другую сторону.

– А откуда ты жеребца взял, как объяснишь?

– Так ведь продал последнюю ценную вещь, какую имел, золотой медальон с ликом любимой супруги и двумя жемчужинами, в ладанке носил, – так правдиво закручинился Инквар, что мрачное лицо обозника расплылось в широкой ухмылке:

– Ладно, сойдет. Ты есть хочешь? У этих еду не бери, вон мой мешок валяется. Но сначала, думаю, нужно рыжую отвязать и тут положить, в тележке со мной поедет. И поспеши, Арат насторожился, – кивнул вожак на старшего пса.

– Не на чужих?

– На чужаков он молча зубы показывает. А на своих только уши поднимает. Ну а на дичь или зверей по-разному, на мелких очень тихо поскуливает, чтобы отпустил, значит, а на крупных носом поводит, и шерсть у него на загривке дыбом встает.

Инквар ловко отвязал девчонку и прямо в одеяле положил возле обозника, потом привязал к своему седлу мешок и оглянулся на бандитских лошадей. По-хорошему их нужно бы отпустить, чтобы доносчики не опознали, но разве нищий старик, которого он изображал в обозе, смог бы отказаться от свалившейся на него необычайной удачи? Значит, придется с ними возиться, пока не подвернется покупатель. Он отвел табунок в сторону, привязал к кусту, вернулся к Кержану и присел неподалеку от него на кочку, выбрав какую почище.

– До переправы три дня, – помолчав, хмуро вздохнул обозник. – Успеем обдумать, как поступить. Никакой старухи у тебя ведь нет, я верно понял?

– Ты вообще сообразительный, – едко похвалил Инквар. – Зато у меня есть свои дела.

– Потом про них поговорим, особенно если они ведут тебя на восток от Азгора, – намекнул вожак и смолк. Опустил голову на мешок и закрыл глаза.

А через несколько мгновений из-за кустов появился всадник, вслед за которым пара лошадок тащила сквозь кусты и прошлогоднюю траву самую легкую из имевшихся в отряде повозок.

Разумом Инквар отлично понимал, как крупно подвела его удача в путешествии с Кержаном, зато давненько ему не бывало так весело, хотя искусник и сдерживался изо всех сил, чтобы не расхохотаться. Трудно было представить заранее, что его внезапное появление на этой полянке вместе с рыжим сокровищем настолько ошеломит невозмутимого Гарвеля и его телохранителя. Ну а один из охранников, сопровождавший ювелира и его телохранителя в этот раз, и вовсе изумленно разинул рот и, забыв на миг о том, где находится, громко присвистнул.

– Тсс! – мгновенно пришел в себя Гарвель и подозрительно уставился на радостно улыбающегося им старика. – А ты откуда взялся?

– Дак приехал... – еще шире заулыбался Инквар. – Вот, на жеребчике.

И красочно поведал спутникам заготовленную байку про дорогой сердцу медальон, любвеобильного жеребчика и спрятанных в кустах лошадак с привязанным к седлу беглецом.

– А потом вот песик прибежал, уж какой умница! И настырный такой, ухватил зубами за зипун и тянет! Ну и пришлось шагать, порвет ведь одежку-то, а у меня другой-то и нету! Выходим, я и сомлел... батюшки-светы, лежат! Упыри эти и с ними соколик наш, сердце так и екнуло! А он, значит, глаза приоткрыл и говорит...

– Перестань болтать, старый балбес! – зло зашипел Кержан. – Уносить ноги отсюда нужно! Правду говорят, дуракам везет, но на удачу надейся, а сам не плошай!

– Дак я и говорю, не мог же я тебя тут оставить...

– Вместе с кошельками все собрал, – едко фыркнул вожак. – Гарвель, разворачивай повозку, беглец наш тоже пока без памяти, если не придуряется.

– Дак как же не собрать, им оно уже не нужно, – обиженно ворчал искусник, отходя к своему жеребцу, – а тебе, стало быть, награда за пролитую кровушку. Ну и мне за то, что нашел твоего бегуна, мог бы я его и не везти сюда, да вспомнил, ты вроде мзду обещал?

– Возьму в обоз и буду кормить, вот тебе и расплата.

– Да за такую награду не стоило и веревку на нем распутывать. Вы там одеялко мое не забудьте прихватить! Мне его табунщик подарил, на память, значит.

– Выклянчил небось, – ехидно ухмыльнулся Кержан, устраиваясь в повозке, и властно приказал: – За нами езжай след в след, там народ сейчас встревожен, как бы не пристрелили благодетеля. И за оплату не бойся, по совести отдам, на Кержана еще никто не обижался.

– Откуда тебе знать, – упрямо буркнул Инквар, усердно переводя внимание спутников на эту перепалку, – если ты обиженных никогда больше и не встречаешь?

– Ну, прости, – выдавил вожак, изображая раскаяние. – Но за тобой я ведь вернулся, вот они свидетели. Только не добрался до деревни, на бандитов наткнулся. Повезло, обоз еще недалеко был, собаки подоспели, а за ними и Гарвель с Дайгом прискакали, один бы не отбился.

– Дак их ведь шестеро было, – поддакнул старик. – Хотя ты и сам троих порешил, я следы твоей пики сразу распознал, страшная вещь. Только не пойму, где остальные четыре лошадаки?

– Мы увели, – с заметным облегчением выдохнул ювелир, как видно построивший наконец для себя стройную картину произошедшего. – Его без тележки никак не увезти было.

Самому не забраться, и нам не поднять.

– Да уж, велик, – восхищенно помотал головой Инквар, начиная надеяться, что его байка с небольшой натяжкой сможет сойти за правду.

Путешественники и в самом деле вытаращили глаза на старика и выслушали обросшую цветистыми подробностями историю его приключений с недоверчивыми ухмылками, но слишком много у него было теперь уважаемых всеми свидетелей, чтобы хоть кто-то всерьез усомнился в правдивости его слов. Хотя вопросы задавали, и были среди них довольно каверзные, но он отвечал с такой искренней откровенностью, что постепенно все успокоились. К тому же Кержан торопился как можно быстрее увести обоз от проклятой тропы, и ни у кого не было причин тут задерживаться.

Лошадей Инквара и тех, которые достались обознику, припрягли к одноконным тележкам, а ему самому Кержан выделил место на своей повозке, заставив помощника перегрузить на телегу пару тюков.

– Так надежнее будет, – еле слышно бросил вожак Гарвелю, и искусник сделал вид, будто не расслышал этих слов, однако про себя похвалил его за предусмотрительность.

Лучше для всех, если спутники не догадаются об их сговоре и станут думать, будто вожак за ним присматривает.

Девчонка пошевелилась только через час, когда торопливо погонявшие лошадей ездовые уже считали себя в безопасности. Чуть слышно застонала и сразу смолкла, опасливо приоткрыла глаза и столкнулась взором с изучающими взглядами двух мужчин.

К этому времени Инквар успел втихомолку напоить Кержана собственным зельем, и тот поправлялся с завидной скоростью. Впрочем, искусник уже успел сообразить, ради чего вожак притворился тяжелораненым, «не смог» влезть на свою лошадь и отправил обоих помощников за телегой. Выгадывал время на поиск искусника. Или рыжей напасти.

Всего мгновение она смотрела на них с недоверчивым изумлением, как на призраков, потом быстро огляделась вокруг и крепко стиснула губы, с которых невольно сорвалось змеиное шипение. Наградила спутников полным ненависти и презрения взглядом и снова опустила голову на подстилку, натянув на лицо одеяло.

– Прогуляться бы, – прозрачно намекнул Инквар, и вожак кивнул в ответ, видимо, и сам думал о том же.

А через пару минут, выбрав местечко поудобнее, поднял один из вымпелов, объявляющий короткий привал. И первым остановил свою повозку. А пока телеги и повозки послушно останавливались и путники начинали выбираться на дорогу, Инквар уже соскользнул со ступеньки и легко поднял на руки худосочное тело беглянки.

– До кустиков донесу, а там песик за тобой присмотрит, – предупредил он. – И не придумывай глупостей. Мой жеребчик бежит быстрее тебя, а собаки легко найдут. Но если ума не хватит это понять, в следующий раз будешь ходить по надобностям под моим присмотром.

– С каких пор ты стал верным псом моего хозяина, дед? – едко осведомилась рыжая и, не ожидая ответа, пошатываясь, побрела в кусты.

Впрочем, Инквар и не собирался ей отвечать: зайдя за соседний кустик, он достал зеркальце и с удовольствием полюбовался на яркую точку, указывающую на направление, в котором убрела девчонка. За те два часа, пока они ехали рядом, искусник придумал верный

способ еще раз пометить ее зельем поиска и тут же исполнил свое намерение. И сейчас с полным правом считал себя хозяином ситуации. Отныне ему ничего не стоит найти девчонку, хотя она в таком состоянии, что вряд ли сумеет самостоятельно пройти хотя бы сотню локтей.

Несколько минут он честно ждал ее возвращения, потом начал слегка беспокоиться. Нет, в первый момент никаких мыслей о бегстве Инквару даже в голову не пришло. Но могла ведь просто не удержаться на ногах или не справиться с одеждой?

Движимый лишь ставшей его второй натурой бдительностью, искусник неохотно достал из потайного кармана зеркальце и бросил небрежный взгляд на его мутноватую поверхность. Чтобы уже в следующий миг торопливо обшаривать тайничок в поисках флакончика с драгоценными пилюлями, придающими на некоторое время нечеловеческие силы и способности. Попутно Инквар мысленно костерил самого себя последними словами и упорно поглядывал на быстро бледнеющую точку, с каждым мгновением все яснее понимая, как глупо поступил, не привязав к ноге рыжего лиха укрепленную зельями бечевку.

Зелье подействовало не сразу, но на месте Инквар не стоял. Приметив направление, торопливо уходил по самым густым кустам в ту сторону, куда так стремительно мчалась удравшая от него дурочка. Ведь ни одна умная девица никогда бы не додумалась сломать голову мчаться туда, откуда ее всего несколько часов назад вызволили такой дорогой ценой. Причем спасатели еще сравнительно легко отделались: всего пяток ценных зелий и пилюль, несколько взятых на душу чужих жизней и пробитое дротиком плечо обозника. Хотя могло бы повернуться и совсем по-другому.

Ноги несли Инквара все быстрее, прыжки удавались ему не в пример легче, а кусты стали хрупкими, как прошлогодний камыш. И хотя искусник не забыл натянуть на руки толстые носки, именно для такого случая хранившиеся в кармане простых на первый взгляд штанов, и тщательно прикрывал локтем лицо и глаза, но по опыту отлично знал, как много ранок и заноз обнаружит к ночи на своей коже.

Светлая точка начала понемногу приближаться, и Инквар язвительно усмехнулся. Каким бы ни было зелье, проглоченное лживой девчонкой, его собственные пилюли оказались лучше. И лишь одна мысль терзала и злила искусника: откуда она взяла это самое зелье? Ведь он не постеснялся тщательно обшарить карманы найденной пленницы, когда ее отвязывал, и не нашел в них ничего ценного. Да там вообще почти ничего не было, не считать же вещами замусоленный сухарь и несвежую тряпку, заменяющую рыжей и платок, и салфетку? Ну и несколько смешанных с крошками жареных горошин, любимое лакомство сельских детей из бедных семей.

Из бедных?! Инквар едва ли не споткнулся, сообразив, как ловко провела и его, и бандитов ушлая девчонка, и невольно восхитился простотой и изяществом, с какими кто-то из его коллег решил такую сложную проблему. Ведь ни у одного, даже самого гнусного бандита не хватило бы подлости отобрать у пленника эти жалкие крохи. Ну а сообразить, чем именно являются горошины на самом деле, не хватило ума и ему самому.

Черная груда меха возникла на пути Инквара так внезапно, что он сначала невольно проскочил мимо нее, а после уже сознательно не стал останавливаться, решив на обратном пути разобраться с валяющимся под кустом преданным охранником Кержана. Вот теперь искусник отчетливо понимал, как девчонке удалось бесшумно проскользнуть мимо него и с невероятной скоростью уйти на значительное расстояние. На собак зелья искусников оказывают такое же действие, как и на людей, а иногда даже срабатывают немного быстрее.

Но вот понять, как беглянке удалось уговорить верного пса покинуть хозяина, Инквар пока не мог, хотя и надеялся уже к ночи узнать ответ на этот вопрос.

С этого момента светлая точка росла все стремительнее, и вскоре стала настолько яркой, что Инквар поспешил перейти на шаг. Судя по его расчетам, рыжая находилась очень близко, и нужно было постараться не спугнуть ее. Теперь искусник двигался тем мягким, скользящим шагом, каким ходят только охотники на горностаев и храмовые воры, когда они уже наметили себе жертву.

И вскоре он добрался до куста, за которым расслышал тяжелое, с присвистом, надрывное дыхание беглянки, и изумленно поднял бровь. Неужели она отдала псу последнюю пилюлю, а когда ее ездовое животное свалилось, не выдержав непривычной работы, бежала дальше без помощи зелья, собрав собственные силы?

Несколько вопросов мигом возникли в голове Инквара, но решать он их собирался вовсе не здесь и не прямо сейчас. Сначала нужно было вернуть девчонку Кержану и попытаться помочь псу, вожак не заслужил такого жестокого удара, как потеря преданного мохнатого друга.

Из-за куста Инквар выскользнул стремительно, как барс, мгновенно поймал обе руки обессиленно лежавшей на зеленом пригорке девчонки и умело опутал тонкие запястья одной из собственных бечевки. А потом так же ловко обыскал ее карманы еще раз и выгреб оттуда все, до последней крошки. Связал в тряпицу и сухарь, и жареный горох и спрятал в собственный карман.

– Падальщик, – с ненавистью прошипела рыжая и попыталась пнуть его ногой, обутой в тяжелые, неудобные и великоватые ей старые башмаки.

Искусник легко уклонился от этого выпада, снял с девчонки потертый пояс и связал им ей ноги в лодыжках.

– За сколько он тебя купил? – ожесточенно шипела беглянка, всячески мешая Инквару, сосредоточенно застегивающему ее зипунок. – У-у-у, шкура продажная.

– Если не заткнешься, дурочка малолетняя, накормлю усыпляющим и раздену, пусть весь обоз полюбуется, кого себе Кержан купил, – хмуро пообещал Инквар, взвалил яростно зашипевшую девчонку на плечо и побежал в обратную сторону.

Нужно было спешить, расплатой за использование усиливающего зелья станет невероятная слабость и ломота во всех суставах.

До собаки он добрался за пару минут, небрежно сгрузил на сухой бугорок свою ношу, стреляющую злыми и острыми, как дротики, взглядами, и присел возле зверя. Осторожно приподнял веко, коснулся кожного носа и облегченно вздохнул – пес просто спал. Но судя по всему, был таким же досуха выжатым, каким будет он сам, когда прекратится действие пилюли. Инквар оставил собаку, с глубокомысленным видом схватился за пояс штанов и поспешно ринулся за куст, очень надеясь этим немудреным лицедейством обмануть хитрую девчонку.

На самом деле ему хотелось вблизи посмотреть, где именно рыжая прячет амулет, и выбрать в своих тайниках зелье, с помощью которого собака сумеет самостоятельно добраться для телеги. Вернее, составлять это снадобье искуснику придется из готовых зелий не вступающих друг с другом в противодействие.

Как всегда в подобных ситуациях, когда нервы взвинчены близостью провала, а тело усилено мощным снадобьем, пальцы искусника просто летали по карманам, безошибочно доставая нужные флаконы и отмеряя крохотные дозы. А мозг так же четко и неустанно

пытался решить сразу три важные задачи.

И если первую из них – выяснение способа, с помощью которого упрямой беглянке удалось подчинить себе преданного хозяину пса, можно было отложить на потом, то две остальных требовали немедленного решения. Инквару нужно было срочно изобрести, как обезопасить себя на то время, когда он будет беспробудно отсыпаться, платя дань за нынешнюю гонку, и как предупредить новый побег рыжей злючки. Разумеется, Инквар знал десяток способов, но ни один из них не мог бы с полным правом назвать абсолютно надежным.

Закончив изготовление нового зелья, искусник всыпал в него сахарную пудру и крахмал, скатал несколько шариков и, зажав парочку в кулаке, ссыпал остальные в пустой фиал, про запас. Затем приподнял рукав зипуна и направил в сторону рыжей замаскированный под браслет амулет.

Некоторое время Инквар смотрел на него озадаченно и хмурился все сильнее, не зная, как следует понимать совершенно невозможную вещь. Судя по тусклому блеску полированной поверхности крупного, похожего на дешевую бирюзу камня, никаких вещей, несущих в себе запас волшебной силы, у рыжей вредины не было. Но ведь не привиделся же ему яркий огонек, сиявший на этом самом артефакте еще недавно?

Эта загадка встала в число тех, какие требовалось прояснить в первую очередь, и прежде всего для спокойствия самого Инквара. Слишком хорошо он знал, как легко превращаются в большие неприятности нерешенные своевременно мелкие недоразумения. Но, к великому его сожалению, заняться этим сейчас искусник просто не успевал. Краткие мгновения всесилия, дарованные драгоценным зельем, утекали стремительно, как песок из сита, и следовало спешить.

Инквар вышел из-за куста, отметил брошенный девчонкой злой и внимательный взгляд, и, делая вид, будто оправляет штаны, направился к ней. Попутно словно ненароком погладил пса, забросив ему под верхнюю губу свои пилюли, и, лицемерно вздохнув, шагнул мимо.

– Бедная псина... уже подыхает. Станет теперь добычей воронов. А ведь был таким преданным другом нашему вожаку. Говорят, не раз спасал жизнь и ему самому, и его спутникам.

Он с нарочитым кряхтением поднял рыжую, забросил на плечо и, понемногу ускоряя шаг, направился в ту сторону, куда указывал настроенный на Кержана амулет поиска.

– Кряхтишь ты, как старый, а бегаешь, как рысак, – съехидничала девчонка. – А собаке ничего не станет, отлежится и прибежит.

– Там за кустом волчья лежка, – не остался в долгу Инквар. – Видать, стая пировала. У них правило к ночи на одном месте собираться. И ждать, пока Арат оклемается, серые не будут, не те звери. Ну а по лесу я завсегда хожу быстро, ремесло у меня такое, дикий медок собираю. Да и сумы с туесами привык на плечах таскать, и убегать от лесного хозяина тоже приходилось. Но тебе зря рассказываю, ты ведь дурочка. Не додумалась даже до такой простой вещи, что Кержан тебе вовсе не враг и намеревается отвести тебя к матери.

– Это вы вместе с твоим Кержаном полные дураки, – с ненавистью процедила девчонка и притихла, явно не собираясь больше ни о чем разговаривать со своим носильщиком.

Впрочем, и у искусника не было никакого желания с ней беседовать, приближение расплаты чувствовалось все сильнее. И хотя ноги еще легко несли его через кусты по пройденному несколько минут назад пути, но уже начинало тянуть икры и спину нудной, пока еще терпимой болью.

Приближение Кержана Инквар определил по амулету, на который не забывал поглядывать, нагло пользуясь тем, что голова девчонки находилась у него за спиной. Искусник тащил ее именно так вовсе не из вредности, наоборот, старался не собрать на замурзанную мордашку злочки столько же заноз и царапин, сколько досталось ему самому.

Хотя она, несомненно, заслужила возмездие за глупость и упорство, но у Инквара были на этот счет очень твердые убеждения. Физически наказывать женщин, даже столь юных, как эта упрямица, он считал для себя совершенно невозможным. Другое дело – показать ей степень ее неправоты как-нибудь понагляднее, так чтобы она прочувствовала свою вину значительно полнее, чем получив пару шлепков по тому обтянутому мальчишечьими штанами месту, которое сейчас торчит прямо перед носом Инка. И хотя пока искусник не имел ни возможности, ни желания для подобных действий, у него все крепло предчувствие, что добром, без жесткой встряски, поладить с этой сумасшедшей не удастся.

Инквар заметил обозника за несколько десятков локтей, трудно было не рассмотреть внушительную фигуру, скачущую на крупном гнедом жеребце. Едва рассмотрев всадника, искусник выдохнул с огромным облегчением. На его счастье, сообразительный вожак не взял с собой никого, кроме второго пса, летевшего впереди коня темным клубком. Инквар немедленно остановился и опустил на ближайший пригорок упрямо молчавшую девчонку. А потом шагнул навстречу обознику, торопясь шепнуть ему наедине несколько слов.

– Нашел? – спросил Кержан, резко останавливая коня, и Инквар кивнул на рыжую, одновременно прижимая палец к губам.

– А Арат?

– Дальше, – указал рукой Инквар и поспешил успокоить помрачневшего вожака: – Свистни, сам придет. Зелье я дал.

– Она его? – недоверчиво повел бровью в сторону своего приобретения Кержан.

– Сумела заставить проглотить какое-то снадобье, потом он ее вез, пока не свалился.

– Обыскал?

– Да, но пока не пойму, куда она дела амулет. Или выбросила, или там спрятала, где я ее поймал. Но теперь я туда не пойду – тоже выпил дающее силы зелье... и скоро свалюсь, – тихо, одними губами произнес искусник, однако обозник его расслышал. – Проследишь?

– Конечно, не сомневайся. – Кержан твердо глянул ему прямо в глаза и покосился на рыжую. – А на эту... цепь надену.

– Я связал своими бечевками.

– Цепь понадежнее будет, на меня из-за ее дурацких выходов уже путники нехорошо смотрят. Да и времени уйму потеряли, я ведь людям всегда обещаю к определенному сроку до места довести. Ты до обоза сам дойдешь?

– Доберусь, – поворачиваясь к дороге, уверенно пообещал Инквар, и вожак, кивнув ему, направил коня к беглянке.

– Дядечка! – ударил в спину искусника острый, жалобный полувскрик-полустон, в котором звенело неподдельное горе. – Отпусти ты меня, умоляю! Если хочешь... клятву возьми, я сама вернусь! Найду тебя, где назначишь, и тогда все сделаю, что ни прикажешь. Хочешь – служанкой буду, хочешь – рабыней! А хочешь – золото, какое ты за меня заплатил, отдам впятеро. Но сейчас мне с вами нельзя... отпусти, всеми богами умоляю!

Инквар резко остановился и повернул назад. Он отлично понимал, чем ему грозит это промедление, придется глотать один из сделанных для Арата шариков, но уйти и не узнать, какую уловку задумала хитрая девчонка, просто не мог.

– Ты дура наивная, – жестко рыкнул Кержан, отвернулся от девчонки и по-особому свистнул, а затем, подождав немного, покосился на подошедшего Инквара и нехотя объяснил свои слова: – Если думаешь, будто я еще не понял, зачем ты к тем зверям в пасть лезешь. Это ведь белыми нитками шито! Братца небось решила найти и вернуть, другого резона бежать в ту сторону у тебя нет. Только одного понять не можешь: бандиты теперь с тобой даже разговаривать не будут и в общую камору с остальными не посадят. Столкнулся я случайно с теми скотами, которые тебя везли, и теперь все они валяются на дорожке, которая ведет на холм. А их дружки просто жаждут со мной по квитаться... ну и с тобой заодно. Теперь в их глазах ты выглядишь подсадной уткой.

– Это он тебя навел, – переведя ненавидящий взгляд на Инквара, мгновенно сделала свои выводы рыжая. – А ты знаешь, обозник, как непрост твой старичок?!

– Еще лучше я знаю, насколько изворотлива ты сама, – холодно оборвал ее Кержан и предупреждающе глянул на Инквара: – Садись-ка на коня, дед, эту дуру я сам отнесу. Прикую к телеге цепью и лично буду в кусты водить.

– Не полезу я на лошадь, – фыркнул Инквар, радуясь, что, покупая место в обозе, сумел схитрить и не назвать своего имени, простодушно предложив называть себя просто дедом. – Нам, медогонам, привычнее ножками, а у тебя рана от встречи с бандитами еще не затянулась.

– Вы оба бараны упертые, – обреченно пробормотала девчонка и уронила голову в поджатые колени. – Не сообразили выпросить у селян, почему кузнец поступил так неосмотрительно, сам натравил на себя ночников. А он просто давал мне время увести брата... Но я не успела, трое бандитов уже влезли в дом через заднее крылечко. Мне с ними не справиться было, потому и затаилась... вот они и забрали Ленса.

– Если тебе не под силу было справиться с тремя, то как ты собиралась увести мальчишку из логова, где их не один десяток? – немедленно осведомился Кержан, сверля подозрительным взглядом худенькую согнутую спину.

– Потихоньку уйти ночью или в суматохе гораздо проще, – горько вздохнула девчонка. – Хотя с каждым днем это будет все труднее. Ленс... он не такой, как все... его или убьют, или на цепь посадят.

– Чего в нем особого? – мгновенно напрягся Инквар, интуитивно вмиг поверив заявлению девчонки.

Как он догадывался, вовсе не внезапно проснувшаяся совесть заставляет ее раскрывать им такие сокровенные тайны о младшем брате. Просто у рыжей остался всего один-единственный шанс, который заставит их с Кержаном ее отпустить. Рассказ о необыкновенности мальчишки может и в самом деле стать той наживкой, на которую они клонут. Уж слишком хорошо это объясняет, зачем родственница или подруга кузнеца отправила родных детей в глухое село, да еще и замаскировала их самым тщательным образом.

Только из желания понадежнее скрыть кровиночек от любителей наживы, разнюхавших про их необычные способности, могут любящие родители оторвать от себя своих детей.

– Он одарен, – нехотя буркнула девчонка и снова бросила на Инквара полный ненависти взгляд. – Но дар пока не очень понятен, просто время от времени Ленс ведет себя странно.

А иногда... делает необычные вещи. Если приглядеться внимательно, можно легко догадаться. Тем более сейчас, когда он живет в одном доме с сельскими мальчишками, они очень приметливы.

– Дед? – подумав, вопросительно уставился Кержан на Инквара, и тому не нужно было долго гадать, чего именно хочет от него вожак.

– Пусть даст мне клятву, – тихо вздохнул искусник, еще пару минут назад попросившийся со всеми своими прежними планами, но еще не нашедший в себе сил строить новые призрачные мосты в счастливое будущее. – Но раньше, чем к рассвету, я не поднимусь. Отгони обоз на несколько миль, до безопасного места, там и переночуем.

– Я дам клятву, – заторопилась рыжая. – Но тогда нам лучше к обозу не ходить, а остаться здесь. Как будто он нас не догнал. Возвращаться будет дальше...

– Нет, так делать мы не будем, – перебил ее Кержан. – Сколько бы клятв ты ни давала, до конца никто из нас тебе теперь не поверит. Поэтому будет так, как он сказал. Ну, дашь клятву?

– Куда мне деваться! – зло оскалилась девчонка. – Но вы оба – упрямые дураки.

– Зато живые, – хмуро усмехнулся искусник, протягивая к ней руку. – Давай палец. Клятву дашь на крови, у меня невзначай оказалось с собой нужное зелье и амулет.

– Нисколько не удивлюсь, если у тебя случайно еще много чего найдется, – поднимая стянутые бечевой запястья, сердито фыркнула рыжая. – Режь, кровопийца.

Когда Инквар осторожно уколол палец девчонки острием кинжала, тонкая кисть даже не дрогнула, только чуть напряглась. И пока он поил алыми каплями амулет, которого у бедного старика никак не могло быть, рыжая тоже держалась на редкость спокойно, хотя глаз так и не подняла. Однако клятву повторила за искусником слово в слово и застыла в ожидании.

Инквар торопливо распустил казавшиеся неимоверно сложными узлы пут, легко поднял подопечную на руки и отнес к жеребцу Кержана. Небрежно сунул в руки вожаку, пристроившему беглянку перед собой, и сразу же развернулся и почти побежал в сторону обоза. Боль, тянущая икры ног и спину, становилась все ощутимее.

Немного не добежав до кустов, из-за которых доносились голоса и запах жареного мяса, Инквар остановился и махнул подъехавшему вплотную вожаку:

– Давай ее сюда, пусть ножками идет. Так меньше вопросов зададут.

Кержан согласно кивнул, сам считал так же. Ссадил рыжую с коня и, не дожидаясь, пока она одернет свой зипунишко, первым направился к повозкам. Инквар пропустил девчонку вперед и поплелся следом с самым несчастным видом. Ему даже особенно притворяться не пришлось: несмотря на незаметно сунутый в рот целебный шарик, голова начинала кружиться, словно от кружки крепкой наливки.

Радовало Инквара лишь одно: отныне ему больше не грозило потеряться самому или снова упустить хитрую пройдоху, – позади, не спуская с них настороженных взглядов, бежали оба волкодава.

Проснулся искусник резко, словно от неслышного всем остальным сигнала тревоги, и в первые мгновения лежал неподвижно, пытаясь разобраться, где находится. А заодно и припомнить все, что случилось до того момента, как он оказался в этой постели.

Довольно удобной, нужно признаться, – его бока, измученные за последние две декады непривычно скудной и жесткой подстилкой, мгновенно оценили упругую мягкость тюфяка.

А нос опознал запах свежести, исходящий обычно только от полотен, выстиранных в проточной воде и просушенных на солнце и ветерке.

И поскольку в обозе ничего подобного не было, да и быть не могло, Инквар, даже еще не открывая глаз, точно знал, что на ночевку обоз остановился в довольно зажиточном селе, поскольку в маленьких деревеньках постоянных дворов никто не держал и свежей постелью постояльцев не баловал.

Расположение духа, и без того не самое радужное после того, как припомнились все злоключения трех прошлых дней, испортилось окончательно. Можно было даже не сомневаться, чем заняты сейчас умы всех его спутников. Да и как им не быть безмерно заинтригованными особым участием вожака обоза, каким тот внезапно вспылал к никчемному старичку? Выходит, закончилось его спокойное путешествие. Отныне каждый шаг искусника и любое, самое безобидное его движение окажутся под постоянным неусыпным наблюдением десятков пар любопытных глаз.

Разумеется, ничего удивительного в этом нет, людям, оторванным от привычного образа жизни, нескончаемых дел и забот, составляющих самую суть их жизни, нестерпимо скучно целыми днями смотреть на однообразные деревья, камни и кусты. Вот и рады хоть какому-то развлечению, и готовы отдавать ему все свободное время. Зато самому искуснику ничуть не легче от понимания причины их любознательности.

Инквар решительно открыл глаза и оглядел помещение, куда определил его Кержан, находя все новые подтверждения своим догадкам. Небольшая комнатка, освещенная лишь светом из прикрытого простенькой занавеской окна, возле которого стоит маленький столик и скамья. В левом от дощатой двери углу примостился небольшой сундук, над которым вбиты в бревенчатую стену колышки для одежды, в правом виднеется затертый чьими-то спинами бок каменки.

Рядом послышалось сердитое сопение, и искусник торопливо повернул в ту сторону голову, одновременно скользнув рукой в потайной карман, где носил оружие.

Обнаруженная на соседней подушке рыжая голова и злые зеленые глаза, смотревшие на искусника с чумазого лица, не могли принадлежать никому, кроме настырной беглянки, и едва осознав, рядом с кем устроил его на ночлег Кержан, искусник понял, насколько доброжелательным было его настроение до этого самого момента.

– Что ты делаешь в моей постели? – ледяным голосом процедил Инк и даже слегка растерялся, рассмотрев появившееся на грязной рожице выражение.

Безмерное изумление, растерянность, возмущение, обида и жаркая ненависть сменяли друг друга все поспешнее, и из всей этой карусели искусник сумел сделать только один разумный вывод – соображала девчонка неплохо. И что важнее всего – довольно быстро.

А судя по злобе, накрепко застывшей на перемазанном мальчишечьем личике, – место для ночлега рыжая выбирала вовсе не сама. И поскольку сам Инквар ничего не помнил, то, стало быть, и не он. Следовательно, такое гениальное решение пришло в голову Кержану, и нужно будет не забыть при случае поблагодарить его за такую заботу.

– Где обозник?

– Спит в соседней комнате, – с ненавистью прошипела девчонка и нехотя добавила: – Уже светает.

О том, что за окном занимается рассвет, Инквар и сам уже знал. Когда-то отдал немало времени и сил тренировке чувства времени и поэтому спутать ночь с днем не мог. Хотя обычно после длительных походов в подземелья или шахты обнаруживал несовпадение в

несколько минут собственных ощущений с часами. Но сейчас точно знал, что вставать им пока рановато, если только вожак не придумал какой-то особый план.

– Как тебя звали в деревне? – отворачиваясь от соседки, поинтересовался искусник, привычно проводя руками по телу, чтобы убедиться в целостности своих сокровищ.

Хотя и был заранее в этом уверен: несколько хитрых и надежных ловушек, устроенных специально для любителей чужих вещей, были нетронуты, иначе он это сразу бы почувствовал. А вот сапоги и зипунок с него кто-то снял, и этим кем-то мог быть только он сам или другой искусник.

Однако Инквар не помнил, чтобы сам раздевался, он вообще не мог вспомнить, как попал в эту комнату, и это странное обстоятельство требовало немедленного расследования.

– Не важно, – буркнула девчонка, и Инквар равнодушно пожал плечами:

– Сократим это имя. Отныне ты – Нев.

– Но это не имя, а кличка! – возмутилась она. – Так только шавок зовут.

– Не оскорбляй самых преданных созданий, – откидывая одеяло, назидательно провещал Инквар и сел к рыжей спиной, спустив ноги с кровати. – Лучше скажи, зачем ты меня разбудила в такую рань?

– Как ты... – дернулась она и тут же упрямо стиснула зубы. Посопела немного и с ненавистью прошипела: – Отпусти меня.

– Куда? – искренне опешил Инквар, но в тот же миг услышал характерный звон и резко оглянулся.

Девчонка протягивала ему руки с намотанной на запястья цепочкой, конец которой шел под подушку.

Искусник мигом вспомнил обещание Кержана и выругался про себя на упрямого вожака. Все-таки посадил девчонку на цепь! Хотя мог бы и сам догадаться, что уйти от искусника рыжая не сможет после взятой с нее клятвы. Во всяком случае, дальше, чем на тридцать локтей. Потом ее будет тянуть назад назойливое, словно зубная боль, чувство, вовсе не похожее на нежную привязанность или симпатию. И противостоять ему не поможет ни один амулет.

– Где ключ?

– У тебя, – сухо буркнула она, рассмотрела непонимающий взгляд старика и с ненавистью добавила: – Сам ночью в свой зипун завернул и спрятал в сундук вместе с сапогами. А ключ от сундука положил в карман. Еще и предупредил, чтобы не вздумали сами доставать, там у тебя какая-то гадость спрятана.

«Темные силы!» – взвыл про себя искусник, вставая с кровати, ну почему же он совершенно не помнит таких подробностей своего устройства на ночлег? В правдивости истории, рассказанной ему рыжей, Инквар не сомневался, именно так он и поступил бы, если бы раздевался и укладывался спать в полном рассудке. Хотя, возможно, не стал бы привязывать к кровати девчонку... если только в тот миг не было необходимости ее проучить или наказать. И хотя спать со связанными руками очень неудобно, для рыжей упрямицы это все же гораздо лучше, чем попасть в лапы к каким-нибудь скотам.

Инквар пошарил в том единственном кармане, куда мог спрятать проклятый ключ, и окончательно поверил девчонке. Однако не испытал абсолютно никакого желания радоваться этому. Неожиданный провал в памяти до дрожи напугал и насторожил искусника, никогда еще до этого дня не попадавшего в подобную ловушку. Причем устроенную, судя по всему, им самим. Жаль только, не было у него сейчас свободного времени, чтобы сесть и спокойно

разобраться в произошедшем. Проблема рыжей злючки, одним своим появлением разрушившей так тщательно обдуманный и приготовленный замысел, требовала немедленного решения.

Инквар отпер сундук, нашел ключ от цепи и вернулся к постели. Встав коленом на край, умело отпер нехитрый, но надежный замочек. Потом так же ловко распутал цепь, стараясь сделать вид, будто не замечает красных отпечатков на худых запястьях.

[Купить полную версию книги](#)